

Маргарита Южина
Принцесса в лопухах

«Маргарита Южина»

2008

Южина М. Э.

Принцесса в лопухах / М. Э. Южина — «Маргарита Южина»,
2008

Доморощенный детектив Аллочка Неверова втягивает своих родных в раскрытие очередного преступления. Погибла Виолетта, старшая дочь их знакомого богача Кирилла Назарова, и, хотя милиция считает происшествие несчастным случаем, у Аллочки сомнений нет: это убийство. Назаров несколько лет тому назад женился на очаровательной Жанне, подарившей ему дочку Машеньку. Многие прочат в преступники вторую жену Кирилла. Но мачеха души не чаяла в падчерице. И вдруг, не успела Аллочка развернуть бурную деятельность по поискам преступника, кроткая Жанна сделала ноги...

© Южина М. Э., 2008

© Маргарита Южина, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маргарита Южина. Принцесса в лопухах

Глава 1 С больной головы на здоровую

Аллочка, пухлая спелая дамочка чуть старше сорока, кокетливо вышагивала рядом с худощавым, прыщавым мужчиной и игриво хохотала после каждого его слова.

– И, главное, я ему еще говорю... остороженько так намекаю: «Николай Николаич, когда вы, извиняюсь, мне зарплату надбавите? Мне нужно лечить язву!» А он мне: «А зачем ее лечить? Она у вас совершенно здоровая!» Идиот!

– Хо-хо-хо! Я с вас просто поражаюсь... – все сильнее прилипала Аллочка к костлявому плечу кавалера и нещадно строила ему глазки. – Сигизмунд Николаевич, вы такой уморительный! Ну почему? Почему вы не выступаете на эстраде? От вас с одного вида умереть можно!

Хохмач виновато бегал глазками по сторонам и только грустно пожимал плечами. Вообще-то, он жаловался Аллочке, что уже десятый раз в месяц просит прибавки жалованья, а начальник в одиннадцатый раз повышает заработок своей секретарше. А это в принципе большое несчастье и унижение, когда тебе выписывают такую зарплату. И совершенно ничего уморительного он сказать не хотел. А уж умирать «с его вида» – и вовсе свинство! Прыщавый джентльмен хотел было даже обидеться, но Аллочка так сильно теребила его рукав, что сие не получалось.

– И что? – весело заглядывала она в глаза кавалеру. – И что вы еще ему сказали, мой искристый юморист?

– Главное, я ему говорю: «Мне нужен хороший уход!» – откровенно намекал Сигизмунд на то, что Аллочка ему этот уход и обеспечит. Причем совершенно бесплатно, по доброй, так сказать, воле. – А он мне: «Простите, но я за вами никак не могу ухаживать, у меня есть законная жена и любовница!» Паразит!

– У-ха-ха-ха! – старательно веселилась дама и мусолила рукав кавалера. – Ой, ну расскажите же! Расскажите еще что-нибудь о вашем начальнике!

Однако кавалер ничего поведать не успел – к парочке быстро подошла женщина в сером пальто, насильно сунула в руки растерянному Сигизмунду погребальный венок и зло сверкнула глазами:

– Чтoб вы сдохли вместе со своей кралей!..

Сигизмунд Николаевич поспешно ухватил эту красоту – он ужасно уважал непредвиденные подарки, однако взгляд его тут же уперся в черную ленту: «Я тебя в последний раз предупреждаю! Готовься к смерти».

Галантный кавалер вздрогнул, заморгал и резко развернулся к подруге.

– Аллочка, это вам передали, – с силой всунул он даме подношение.

– Мне-е? – продолжала кокетничать Аллочка. – А мне кажется, это вам... вероятно, поклонница...

Шаловливо сложив накрашенные губки бантиком, женщина с силой пихнула венок обратно. Сигизмунд, часто и прерывисто дыша, прятал руки за спину – брать венок он не хотел ни в какую.

– Ну, берите!! Вам же передали! Его можно выгодно продать!! – уже весьма грубо оттолкнула подарок Аллочка. – И вообще! Где? Где эта баба, которая всучила вам эту пакость?!

– Да! – вытянул шейку Сигизмунд Николаевич, потом вдруг куда-то уставился и очень фальшиво воскликнул: – Ой! А вон и моя женушка, Аллочка, она гуляет с моей мамочкой! Дико извиняюсь, но спешу вас покинуть...

Отважный ухажер отлепился от руки подруги и мгновенно перебежал через дорогу. Аллочка только увидела, как его тощая спина ввинчивается в толпу прохожих.

– Трус... – презрительно скривила она губы. – Можно подумать, я не знаю, что он катастрофически не женат! Еще не известно, кому из нас всучили этот презент!

Она аккуратно устроила веночек возле пивного ларька и твердым шагом направилась к своему дому – кавалер постыдно сбежал, а одной гулять не имело смысла.

Домой Аллочка вернулась раздраженной, в препакоистном настроении, и даже веселый гомон домочадцев ее не насторожил.

– Вот! – плюхнулась она на стул в кухне. Возле плиты колдовала Гутя – старшая сестрица, и именно ей принесла свое горе незадачливая невеста. – Вот я так и знала! И этот сбежал! Слушай, Гутя, кого ты мне все время поставляешь? Что за материал у тебя такой некачественный? Где отборный, породистый жених, я тебя спрашиваю? Ты бережешь его для богатой особы? Вспомни, что ты – моя кровная сестра. И устыдись! И вообще, я уже созрела для серьезного, далеко идущего романа. Я даже готова родить дитя. Осталось только отца найти...

Гутя работала свахой, считалась знатоком своего дела, имела отличную репутацию. Но свою родную сестрицу вытолкать замуж она уже который год была не в состоянии. И, естественно, была вынуждена ежедневно выслушивать все претензии младшенькой сестренки.

– Аллочка, а чем тебе Сигизмунд не приглянулся? – оторвалась от кастрюли Гутя. – Очень интеллигентный, серьезный молодой человек... Возьми и роди от него, если уж ты приготавлилась...

– Во-первых! – подскочила Аллочка. – Он никакой не молодой! У него уже пятка на темечке светится. Плешь. Во-вторых. У него повышенная прыщавость. В-третьих... В-третьих – зачем мне такой уродливый ребенок? Ты этого Сигизмунда видела? Это же морской конек, вид сбоку. Он весь в бородавках, в прыщах... Нет, если идти за него замуж, я потерплю, у него все-таки квартира. Но тогда ребенка надо рожать от кого-то другого. И в самых главных: он – негодяй! И мерзавец, потому что сегодня он меня бросил! Негодяй! Я уже это говорила?..

И она откровенно всхлипнула, успев затолкать в рот только что испеченную плюшку.

– Погоди... – опешила сестра. – Как это? Тебя бросил Сигизмунд? Но... он же сам меня просил найти ему хоть какую-нибудь женщину! Пусть будет уродина, старуха, но все же не одному жить... Признавайся, что ты ему сказала? Только не вилай!

Аллочка горестно метелила плюшки, и глаза ее с каждой минутой становились все печальнее.

– Ничего я ему не рассказывала. Ему кто-то веночек в руки сунул, наверное, его с какой-то могилки свистнули, а там черная ленточка и надпись золотом... ну, этот... слоган-то... «Я тебя в последний раз предупреждаю! Готовься к смерти!» И все – сбежал мужик!

– Так, может быть, он и побежал... к смерти готовиться? – осторожно предположила Гутя, но тут же сама себя одернула: – Хотя, зачем же ему готовиться? Он ведь не к нотариусу двинул...

– Гутя! – снова взвилась Аллочка. – Вот ты мне скажи! Отчего это меня постоянно преследуют всякие ненормальные? А твоя дочь Варька – психолог, между прочим. Никак не собирается помочь родной тетке? Вы хотите моей гибели, да?! Варвара! Пора уже, наконец, прекратить это безобразие! Я хочу найти этого писаку. И покарать! Он сегодня спугнул моего жениха!

Аллочка лукавила, когда на улице она говорила: «неизвестно, кому» предназначался веночек. Она догадывалась, что прощальный букет с ленточкой передали именно ей, а не трусоватому Сигизмунду, потому что подобные послания ей уже приходили. Неизвестно кому вдруг пришло в голову, что Аллочка задолжала ему крупную сумму денег, и с недавних пор

ее нещадно терроризировали. Сначала звонили по телефону и заунывно тянули: «Отда-а-а-ай мои де-е-е-нги!» Аллочка, конечно же, не отдавала – еще чего! У нее и своих-то никогда не было, а тут – чужие чьи-то! Что за дурь? А потом ей стали приходить эпистолярные сюрпризы. То письмо, где во весь развернутый лист шла корявая надпись: «Отдай деньги, сволочь!», то газеты с таким же текстом, а то и телеграмма: «Срочно отдай деньги жди смерти!». Причем кто-то явно сэкономил на союзе – было неясно: «Отдай деньги И жди смерти», или: «Отдай деньги ИЛИ жди смерти»? Сначала это ее немного нервировало, но после того, как Варька, племянница Аллочки, а по совместительству домашний дипломированный психолог, объяснила, что так долго никто не страшит – понадобилось бы, давно б тетю убили, – Аллочка немного успокоилась. А уж когда Сигизмунд Николаевич стал приглашать ее на свидания, женщине и вовсе стало не до странных записок и звонков.

Дело в том, что все сестры Аллочки давно и удачно выскочили замуж, и только сама Аллочка да еще ее старшенькая сестрица Гутя так и тонули в океане одиночества. Хотя Гутя – это понятно. Дело в том, что другие сестры, собственно, повыходили замуж за бывших Гутиных мужей. Нет, это только на первый взгляд все кажется запутанным, а на самом деле... дело довольно-таки простенькое. Гутя – Гутиэра Власовна, предпоследняя из славных отпрысков семейства, – очень рано унеслась из родной деревушки в город, где моментально и выскочила замуж. На свадьбу приехала старшенькая сестрица, Марта, и так ей приглянулся Гутин муж, что она сразу же после свадьбы его и увела. Сестрица осталась с мужем, а Гутя – с маленькой дочкой. С Варькой. Однако легкий нрав девушки Гути привлек к ней нового супруга, и она совсем уж было утешилась, но... постаралась незаботливая родня. Поведение сестры-разлучницы в деревне резко осудили, и, дабы Гуте легче было строить отношения и чтобы маленькая Варька не мешалась под ногами у нового мужа, к ней в город была направлена следующая сестрица – Майя. Но и тут родственные отношения спасовали перед любовью – Майечка, как потом она сама объясняла, так прикипела сердцем к молодому супругу сестры, что не смогла удержаться – взяла и увела окаянного красавца. Гутя не отчаивалась и снова вышла замуж. Но, видно, в деревне тоже не отчаивались – тут же была «выслана» очередная сестра, Декабрина, которая не стала ломать традиций, прилежно охмурила третьего Гутиногo супруга и взяла его фамилию. И когда в деревне осталась только младшенькая – Аллочка (по паспорту – Февралина), Гутя решила с замужеством завязать. Она просто поставила сватовство на деловые рельсы и стала зарабатывать на этом деньги. Но каково было Аллочке?! Так обломать ее надежды! Конечно, девушка не стала высидывать в деревне, ожидая коня с принцем, она заявила к Гуте и потребовала причитающегося ей жениха. Но, несмотря на то, что в каталоге у Гути имелись женихи на любой вкус, Аллочке отчего-то никак не удавалось встретиться с тем единственным, который отважился бы повести ее в загс. А если кого-то и удавалось заманить на свидание, так с ним непременно что-то случалось. Аллочка уже совсем отчаялась встретиться со своей второй половинкой, как вдруг в каталоге Гути обнаружился скромный офисный сотрудник Сигизмунд Николаевич. И сегодня у Аллочки с ним было второе свидание. (На первом она прослушала подробную лекцию о внутренних органах кавалера: что и как у него болит, а также – какие суммы надо наскрести для его полного излечения.) Второе свидание начиналось куда как веселее, и вот надо же – подвернулась эта баба с веночком!

Аллочка решила раз и навсегда поставить в этом деле точку. Пора, наконец, наказать возмутителя спокойствия.

– Варвара! – закричала из кухни Аллочка. – Немедленно нарисуй мне психологический портрет этого террориста!.. Гутя, ты возле чайника-то не крутись, сбегай, позвони Сигизмунду и скажи: ты его сегодня таким способом проверяла на благородство. И добавь, между прочим, что завтра, ровно в семь, у него будет еще одна попытка. Давай, звони, а то я так перенервничала, так перенервничала... Гутя!! А что, вчерашний борщ Фома уже доел?! Ну ничего нельзя в холодильнике оставить, буквально ничего, хоть с кастрюлей на свидание отправляйся...

Гутиэра Власовна уже сидела возле телефона. Не то чтобы она охотно подчинялась командам младшенькой сестрицы, просто все домочадцы давненько метали о том счастливом дне, когда спроводят Аллочку кому-нибудь в законные жены, потому что ее изысканный характер мог довести кого угодно до продолжительной депрессии.

Варвара отважно вышла из своей комнаты и, несмотря на загруженный рабочий день, терпеливо продолжала работать психологом – теперь уже дома.

– Аллочка... – тоном сотрудницы бюро ритуальных услуг начала девушка, – расскажи подробно, что сегодня тебя так взорвало? Отчего такое настроение? Почему ты пришла со свидания так рано и совсем нерадостная? Обычно ты сверкаешь, как новенькая копейка, до того момента, пока не сбежит жених. Неужели сегодня он уже удрал?

– Позорно драпанул, – прищурилась Аллочка. – Прямо с первого свидания! Паразит! Хотя нет – со второго...

– Быстро... – задергала бровками племянница. – Это говорит о том, что жених сегодня пошел умный.

– Это говорит о том, что трусливый пошел женишок! Дохленький! – накинулась на девчонку Аллочка. – Этот Сигизмунд как получил венок, так сразу и смотался! Еще и наврал с три короба, что женат! Да кто за него пойдет? Кроме меня... Что ты моргаешь, Варька? Я к тебе обращаюсь официально – нарисуй мне портрет типа, который мне эти послания отправляет!

Варя замахала руками:

– погоди, погоди, Аллочка! Ну зачем рисовать-то, когда ты сама можешь вспомнить! – И снова у Варьки взгляд сделался немного больным, как подобает и как свойственно психологам. – Припомни, пожалуйста, как выглядел человек, который передал тебе... Кстати, а что он на этот раз передал? Газету? Письмо?

– Вено-о-о-ок! Ну кому я тут ору?

Пришлось Аллочке подробно, с выражением, рассказывать племяннице, как и что произошло сегодня, на втором свидании.

В это время Гутя у телефона заливалась соловьем:

– ...Конечно, это была Аллочкина шутка! Вы же умный мужчина, неужели не догадались?... Ах, вы не настолько умный? Что-то в этом духе я и подозревала... Да нет, ничего, просто я говорю: кто же будет ухаживать теперь за вашей больной печенью? Наша Аллочка – исключительная сиделка! Она специально обучалась долгие-долгие годы...

– Гутя! Я не собираюсь быть сиделкой! – на секунду оторвалась от рассказа Аллочка. – Нет, я, конечно, могу посидеть, но только возле умирающего миллионера. И только в качестве законной жены. И чтобы завешание по полной форме!

– Вот видите! – радостно воскликнула Гутя. – Она уже готова сидеть у вашей постели! Если хотите, она завтра же придет, чтобы облегчить ваши страдания!..

– Гутя! Он же нищ, как церковная крыса!! – рванулась к телефону сестра, но ее удержали крепкие руки Варьки.

– Итак, Аллочка, не отвлекаемся! – сурово произнесла племянница. – Как выглядела эта женщина? Она была высокая? Низкая? Брюнетка? Блондинка?

Аллочка ошалело посмотрела на Варьку:

– Варя! Какая мне разница?! Пока мы баб обсуждаем, моя родная сестра выталкивает меня в вечные сиделки к этому нищему скупердяю Сигизмунду! А он, между прочим, даже пирожок мне купить не догадался. Я чуть с голоду не опухла. Гутя!

Гутя уже отошла от телефона, на лице ее блуждала загадочно-довольная улыбка.

– Ну-у, Аллочка, – замурлыкала сестра. – Можешь меня благодарить! Завтра Сигизмунд будет ждать тебя вечером, дабы загладить свою вину. Он назначил свидание возле шестой поликлиники.

– А почему не возле морга? – буркнула Аллочка. – И вообще – мне хотелось бы принца... А этот Сигизмунд... Ты хочешь вытолкать меня за первого встречного!

Гутя с дочерью протяжно вздохнули – начинался ежедневный спектакль под названием «Никто не любит бедную сиротку. Чем жить в такой нелюбви, лучше перебраться на вокзал». Причем у сиротки имелись вполне здоровые родители, но ехать к ним в деревню несчастной даже не приходило в голову.

Варька бегом смоталась в свою комнату и притащила здорового кота Матвея – только ему удавалось излечить вечную невесту от тоски. Аллочка и сейчас уткнулась в морду сонного котяры, и ее завывания стали тише на два тона – кот не переносил громких звуков: он царапался.

– Матюша-а-а... Ну почему я не родилась кошкой, а? Жила бы себе в деревне, спала на сеновале, гоняла мышей и была бы абсолютно счастлива!

– А что тебе сейчас мешает? – внезапно появился в дверях муж Варьки Фома. – В деревне! На сеновале! За мышами! Сказка!

Мать и дочь быстро переглянулись. Теперь уже вечер грозил превратиться в маленький смерч.

– Аллочка, – вдруг всплеснула руками Гутя. – Что же я молчу? Нас Назаровы на день рождения пригласили. Я сразу хотела тебе сказать, да ты меня перебила!

– Когда? Когда идти? – встрепелась Аллочка и тут же забыла и о Фоме, и о Сигизмунде. – Матюша, ты пока на диванчике лежи, а то нам на день рождения... Гутя! Куда ты задевала мое выходное платье? Варя! Чур, я надену твой палантин!

Назаровы были людьми очень приятными. Первой познакомилась с ними Гутя: несколько лет тому назад к ней обратился весьма состоятельный господин и попросил выдать замуж его престарелую матушку. Матушка не могла перенести того, что сынок вырос, его уже не требовалось воспитывать, и всяческие команды маменьки повзрослевшее дитяtko выполняло без особого рвения, а частенько и вовсе отказывалось. Очень любезно, но отказывалось. Старушка явно угасала. И Гутя, можно сказать, спасла положение – выдала старушку очень быстро и удачно. Может быть, еще и потому, что сынок – Назаров Кирилл Андреевич – давал за маменькой нешуточное приданое: квартиру и обещание ни в чем ей не отказывать. На эту роскошь слетелось так много желающих, что пожилая женщина смогла отловить действительно ценный экземпляр – избранник подчинялся безоговорочно, боготворил супругу каждую минуту и безвозмездно пользовался ее финансами. Как бы там ни было, почтенная дама на старости лет приобрела любящего супруга, а сын – долгожданное спокойствие.

Долгие годы это спокойствие нарушала жена самого Кирилла Андреевича. Женщина пристрастилась к алкоголю, забросила мужа, забыла о дочери и все быстрее опускалась на дно. Кирилл Андреевич развелся. Дочь воспитывал один, на женщин больше не надеялся. Узнав об этом, Гутя подсуежилась – не ожидая, пока к ней обратятся, свела Кирилла Андреевича с милой, замечательной Жанночкой. И за это Кирилл просто не знал, как сваху благодарить. Жанна была тридцати лет от роду, с прелестным лицом, имела ангельский характер, да к тому же весьма скоро подарила мужу дочку Машеньку – существо совершенно очаровательное. Кирилл Машеньку просто обожал. Да и не только Кирилл. И сама Жанна, и старшая дочь, Виолетта, души не чаяли в крохе. Машеньке в эту субботу исполнялось три года, и вот уже больше трех лет в семье Назаровых царили любовь, забота о ближнем и понимание. Благодарный клиент сделал Гутю крестной матерью, перезнакомил своих женщин с Аллочкой, Варькой и Фомой, и теперь Назаровы и Неверовы дружили семьями.

Ходить к Назаровым Аллочка просто обожала. Если Варька сразу убегала к Жанне и молодые женщины там целый вечер шуршали журналами, если Гутя мгновенно прилипала к Машеньке, а Фома усаживался рядом с хозяином и за бутылочкой пивка вяло спорил о политике, то Аллочка сразу же неслась в бильярдную. При виде роскошного стола с темно-зеле-

ным сукном, на гнутых ножках из красного дерева, Аллочка просто немела. Вообще-то, она и раньше неровно дышала к бильярду, еще дома, в деревенском клубе. Но господи ты боже мой! Разве можно было сравнивать тот бильярд с этим! В клубе шары напоминали обгрызенные яблоки, сукно порвалось и было небрежно прибито гвоздями, кии давно потерялись, и деревенские мужики не гнушались гонять шары черенками от лопат. В деревне к бильярду Аллочка пристрастилась вовсе не из-за самой игры, а... честно говоря, потому что там собиралось больше всего мужиков. Это и привлекало. А здесь... Правда, Аллочка еще не разузнала всех правил игры, редко попадала в цель и долго искала – куда убегают из лузы забитые шары? Но ей активно помогала Виолетта, старшая дочь Кирилла. Девчонка не хохотала над неуклюжей Аллочкой, а только махала рукой:

– А, ерунда, получится, – и снова принималась учить гостью.

Аллочка настолько пристрастилась к игре, что буквально бредила кием, лузами и шарами. К тому же шофер Кирилла Андреевича неоднократно посматривал на Аллочку. И даже один раз подмигнул. Правда, в тот момент он был пьян в зюзю. И все же, все же...

Поэтому сейчас, услышав о приглашении на день рождения, дама всполошилась не на шутку:

– Гутя! Мне нужны деньги! А сколько времени? Я успею сбегать купить себе новые колготки?

– Аллочка... – попыталась успокоить ее сестра. – Назаровы нас ждут только в субботу. Но ты можешь... заняться спортом! Чтобы привести себя в форму. Тебе и надо-то всего пятьдесят килограммов сбросить...

Аллочка с готовностью кивнула и унеслась к себе в комнату, громко шлепая тапками. Гутя с Варькой выдохнули – теперь можно было спокойно заниматься своими делами, Аллочка будет приседать часов до одиннадцати.

Вскоре из комнаты Аллочки и в самом деле послышалось активное сопение, крихтение и даже криканье. Потом криканье перешло в мерный храп, и Гутя, заглянув к сестре, увидела, что та сладко спит, устроившись возле кровати на цветастом коврике.

– М-да... – протянула Гутя. – Аллочка сегодня перенервничала... А этому Сигизмунду!.. Если он опять сбежит!..

На следующий день у Варьки был выходной. Честно говоря, она и работала-то всего три дня в неделю, зато отдавалась делу с душой. Остальное же время девушка занималась чтением нужных книг, ждала с работы мужа и наводила в доме порядок, что в ее понимании считалось элементом изучения семейной психологии. Фома убежал в свою клинику, а Гутя с утра пораньше полетела устраивать чье-то очередное личное счастье. Поэтому ничто не мешало племяннице с тетушкой заняться серьезным делом.

– Аллочка, я вчера всю ночь размышляла... – задумчиво жевала Варька вчерашние мамины булки. – Я смогу тебе нарисовать портрет.

Аллочка еще не вполне проснулась, но после Варькиных слов отчаянно захлопала ресницами:

– Варь, только ты меня нарисуй такой стройненькой и такой... блондинкой, а волосики длинные, до пояса, сможешь? А ножки чтоб так – о-пс! От бедра! От коренных зубов! И лицо чтоб красивое!.. – захлебывалась пожеланиями тетушка и вдруг насторожилась: – А с чего это тебя на портреты потянуло? И почему это я первая? Ты лучше на маменьке своей попробуй.

Варька, выпучив глаза, возмущенно смотрела на тетку:

– Аллочка! Ты уже все забыла, что ли? Я ночи не сплю, а ты забыла?! Какие волосики? Какие зубы с ногами?! Я психологический портрет террористки нарисовала! Словесный!

– А-а-а... – разочарованно протянула тетка. – Ну давай... хоть что-нибудь...

– В общем, так, – оживилась Варька. – Скорее всего, это молодая девушка. Я бы даже сказала – девчонка, ученица. У нее постоянно нет денег, она насмотрелась глупых фильмов,

и те сделали свое черное дело – девочка уверена, что можно запугать любого, и этот самый «любой» сразу же выложит ей все деньги. Девочка еще не знает, каково это – самой зарабатывать, думает, это легко! – Варька в запальчивости даже глаза прикрыла. Но вдруг скисла. – Хотя... Кому я говорю? Можно подумать, ты сама когда-то работала...

– Но зато я смотрела, как другие работают! – искренне возмутилась Аллочка. – Давай, рассказывай, что у тебя еще?

Варька с минутку подумала – стоит ли, но потом решила, что результаты анализа тетка просто обязана знать.

– Девочка не стала выискивать богатую молодую особу, из которой, вероятно, вытрясти деньги не удалось бы. Она выбрала неуклюжую, недалекую женщину, с неразвитой мускулатурой, безвкусно, но прилично одетую, по чьему лицу видно – она не великого ума...

– Кого это она выбрала? Она же мне пишет! – напомнила Аллочка.

– Я о тебе и говорю. Девочка уверена, что именно этого человека она без труда запугает и получит деньги. Заметь – она ни разу не указала сумму, какую следует отдать. То есть – отдай любые деньги.

– Кому? – ехидно сощурилась Аллочка. – Кому я отдам? Нет же никого! Только записки, а в них ни адреса, ни имени – кому их нести-то?

– М-да... – задумалась Варька и потянула ко рту пустую кружку.

– И вообще, ерунда этот твой портрет, – категорично заявила Аллочка. – Я, конечно, не рассмотрела женщину, которая мне венок всучила, но точно говорю – она уже давненько из школьного возраста выскочила!

Варька вдруг блеснула глазами:

– Стоп! Я все поняла! Это... вовсе не тебе венок предназначался! Это для твоего Сигизмунда! Просто у него завелась какая-то женщина, она его страстно любит и не хочет, чтобы он с тобой встречался! Вот и шлет ему всякую пакость!

– А зачем она мне звонит? – вспомнила Аллочка прошлые звонки.

– Как это – зачем? Затем, чтобы ты отстала от ее кумира!

– Господи, Варька... – уныло проговорила Аллочка. – Ты сама-то этого Сигизмунда видела? Кумира! Да ему на блошином рынке грош цена... Это уж я так, из жалости женской с ним согласилась встретиться, а другая... Да кому он на фиг сдался?

Варька видела фотографию Сигизмунда, мама показывала. Поэтому и настаивать на своей позиции не стала. Аллочка проговорила:

– А вообще, мне эта версия нравится. Кто его знает, вдруг он в молодости был сказочным красавцем? И есть дурочка, которая сходит от него с ума... Между прочим, Варя! Эта женщина с подарочком тоже была не фонтан. Такая... никакая в общем, иначе б я ее запомнила, взревновала бы, а я никакой ревности не ощущала... наоборот – превосходство. Так что, Варька, ты настоящий психолог, взяла и успокоила! А теперь дай денег, мне нужно в магазин. Не пойду же я к Назаровым в старом платье!

Денег у Варьки хватило только на новые колготки, но и это подняло тете настроение. Аллочка вылетела из дома и понеслась в магазин.

Конечно, она и не думала покупать себе одни только колготки, слава богу, в ее кошельке лежали некоторые денежки, которые она мечтала потратить на сногшибательное платье. Правда, она еще не совсем представляла, куда в таком обалденном платье заявиться, не к Гуте же на посиделки одиноких дам-с. А тут – пожалуйста! Так неожиданно случай подвернулся! Теперь самое время тряхнуть кошельком и насмерть сразить шофера Степу. Он немного моложе ее, но вполне достоин внимания. И молчит всегда загадочно, и фигура у него, и лицо, и деньги... Хотя деньги, конечно, не главное. Чтобы удивить такого парня, наряд надо покупать не на китайском рынке, ясное дело – тут требуется фирменный крупный магазин. И хоть в городе их было великое множество, Аллочка направилась в самый роскошный.

Цены в этом магазине убили ее сразу. Немедленно захотелось повернуться, двинуться к двери и извиниться при выходе. Однако Аллочка стойко подавила эту слабость и храбро направилась к отделу женского платья. В конце концов, она может просто запомнить фасон, а потом они с Варькой сошьют такое же.

– Аллочка! – вдруг кто-то воскликнул за спиной так неожиданно, что та даже присела. – Вот так встреча!

Перед ней, источая прекрасный аромат неведомых духов, стояла Жанна Назарова, а рядом с ней улыбалась во все зубы тоненькая, как березка, Виолетта.

– А мы с Веткой пришли себе наряды выбрать, – охотно объясняла Жанна. – Вы не забыли, мы вас в эту субботу ждем!

Аллочка немножко перекривилась. Хорошо хоть у Жанны хватило такта не воскликнуть: «А вы здесь как оказались?» Пришлось бы объяснять, что она забрела просто так... посмотреть... потому что Жанна точно знает, что на такие покупки денег у Аллочки не наскребется.

– Аллочка! – не умолкала Жанна. – Ну скажите же Ветке, что это милое платьице ей необычайно к лицу!

И она протянула на суд знакомой чудеснейшую вещь из тончайшего материала небесно-голубого цвета. На подоле сказочной «тряпочки» болтался ярлычок, где была четко напечатана не менее сказочная цена.

– Ой, ну Жан, ну чё попало! – надуло губки шестнадцатилетнее дитя. – И куда я в таком цвете? Отстой.

Жанна принялась доказывать с новым пылом:

– Вета! Ну какой отстой? Ты молоденькая девушка, нежная, чистая. Кому же это надевать, как не тебе? Посмотри, как на фигурке смотрится обалденно. А к глазам как подходит. Аллочка! Ты посмотри, что она хочет взять!

И Жанна ткнула Аллочке чуть ли не в нос вешалку с черной невзрачной кофтой.

– Вот! Этот ужас она хочет напялить.

– Чё это ужас-то? – выпятила губу Виолетта. – Нормальный прикид. У нас сейчас все так ходят.

– Да эти ваши все! – сверкнула глазами Жанна, но сдержалась, отвела взгляд в сторону. – Просто сил никаких нет...

Аллочка забрала вешалку с голубым платьицем и расправила его на плечах у девочки.

– Ну, и что тебе не нравится?

– Да ну на фиг! Как у Машутки, – фыркнула девчонка. – Я ж не трехлетка. Еще рюшечки пришить и кружева по подолу. И соску в зубы!

– Ты что – слепая? Какие рюшечки, когда здесь декольте, как у Памелы Андерсен?

Девчонка насторожилась и скосила один глаз.

– И потом, – наседала на нее Аллочка. – Дикое мини на трехлетке смотрится умильно, а на шестнадцатилетней... что же это за слово-то... эротично! Нет, ну, если ты хочешь посмотреть на полный тридцатник, тогда конечно – только эту лягушачью шкуру.

Девчонка еще раз посмотрела на платье и нехотя протянула:

– Ну ладно, Жан, давай купим...

Но теперь уже и сама Жанна не торопилась в кассу.

– Аллочка, погоди-ка... а что там с декольте? Правда, огромное? Мне показалось... Ветка, ну встань ты ровно! Точно. По самый пуп! Не берем эту пакость.

– Жанна! Ну почему не берем-то? – заканючила Ветка. – Ну, я уже хочу!

– А я не собираюсь выставлять дочку словно на панель.

– И не выставляй! А я тебе не дочка! – в запале выкрикнула Ветка.

– Ну и что? – не стушеввалась Жанна. – И тебя не собираюсь выставлять. Потому что ты мне все равно как дочь. Девушка! Заберите платье.

– Девушка! – завопила Ветка. – Не забирайте!

– Стоп! – рывкнула Аллочка. – Ветка, иди, примерь его, а мы посмотрим, как оно на тебе...

Девчонка схватила платье и унеслась в кабинку, а Жанна смущенно покачала головой.

– Аллочка, если бы вы знали, как мне сложно с этой дурочкой...

– А вы умнее будьте, – пожала плечами Аллочка. – Возьмите и купите ей это платье. Оно же вам понравилось?

– Да, но... У нее же вывалится из него вся грудь!

– Я вас умоляю, чему там вываливаться? – поморщилась Аллочка и добавила: – В конце концов, сделайте, как наша мама. Мы тоже с Гутей шили себе платья с огромными вырезами. А маменька не спорила. Просто, когда мы их надевали, они оказывались прочно зашитыми – именно в области декольте.

– То есть... – Жанна поняла и радостно кивнула головой. – Я же потом могу незаметно ушить декольте!

– Да, – улыбнулась Аллочка. И буркнула уже себе под нос: – А она потом его распорет...

Однако платье на Ветке смотрелось изумительно. И хоть вырез оказался такой, что его не профессионалу и ушить было бы невозможно, этого и не требовалось – платье словно специально было сделано для Виолетты Назаровой.

– Жан! Смотри, как классно! Уй-й-й, – в восторге закружилась Ветка. – Жанночка! Какая ты молодец, что заставила меня его купить. А я такая дура! Аллочка! Спасибо вам.

Жанна с Аллочкой только переглянулись – они и сами не думали, что оно будет сидеть как влитое.

– Аллочка! Обязательно к нам приходите! Обязательно, – щебетала счастливая Ветка. – Мы будем с вами играть в бильярд, а еще... еще я познакомлю вас со своим парнем.

И Аллочка увидела, как недобро сверкнули глаза Жанны. По всей видимости, парень этот ей был явно не по душе. И все же мудрая мачеха сделала вид, что ничего не расслышала, подхватила пакетик с покупкой и устремила к кассе. Виолетта быстренько попрощалась с Аллочкой, еще раз напомнила о бильярде и побежала догонять Жанну.

После их ухода разглядывать платья Аллочке расхотелось. Вот ведь, кажется, такие милые люди, такие простые, хорошие знакомые, а какая между ними и Аллочкой пропасть! Они с легкостью могут позволить себе любое платье в этом магазине, а она только посмотреть и пришла...

– Вы что-нибудь ищите? – подскочила к задумчивой Аллочке девочка в форменном платьице. – Могу я вам чем-то помочь?

– Да! – рывкнула Аллочка. – Одолжите мне денег!

И, не дожидаясь, пока ошалевшая девчонка придет в себя, покинула магазин.

Дома Аллочка хотела было всю настрадаться по поводу своей несложившейся судьбы, а заодно и высказать претензии сестрице – отчего это она познакомила Назарова с милой, но все же Жанной, а не с такой прекрасной собственной сестрой Аллочкой? Короче, накопилось кое-что для скандала. Однако, переступив порог, Аллочка сникла – все скандалы отменялись, теперь их семье требовалась прочная круговая оборона и дружеская поддержка – к ним приехал папенька!

Папенька, Влас Никанорыч, в последний раз объявился, когда Аллочка чуть было не вышла замуж: приезжал на свадьбу. И городское житье у дочерей папуле так понравилось, что его не сразу удалось выдворить обратно в деревню. Пришлось даже высылать подложную телеграмму на его имя. И вот теперь – пожалуйста, не прошло и года, как папенька заявился вновь.

– Ну, Февралинка моя, здравствуй, здравствуй! – крепко прижал к отеческой груди дочурку отец и обдал ее стойким запахом перегара.

За одну эту «Февралинку» Аллочка готова была отца лишить спиртного года на полтора. Это ж надо так учудить! Батюшка, еще будучи молодым комбайнером, взял в жены маменьку, и отчего-то вздумалось ему, что эта милая девушка (маменька тогда еще была абсолютно молоденькой) будет рожать ему непременно мальчиков. Но у милой девушки оказался норовистый характер, и из роддома она приносила исключительно девочек. К потомкам женского рода отец готов не был. Он даже посчитал себя несколько оскорбленным. Дабы умаслить супруга, мать сдуру доверила комбайнеру выбирать имена для дочек. А тот, взрощенный на деревенских обычаях, долго думать не стал – в каком месяце родилась малютка, так и называл – как у них в деревне скотину именуют. Так и появились у них прекрасные дочери с романтическими именами – Декабрина, Марта, Майя; кстати, Гуте посчастливилось родиться Августой. Это уж потом, посмотрев «Человека-амфибию», она взяла себе гордое имя Гутиэра. Аллочка же и вовсе умудрилась родиться в феврале. И хоть ненавистное имя она давно поменяла, трепетный папенька так и звал ее по-коровьи – Февралиной.

– Проходи, Февралинушка, проходи... Соскучилась, поди, по папке? Вижу, вижу, скучала. Ну, ничего-ничего, теперь я не уеду: теперь я здесь буду жить!

Аллочка беспомощно оглянулась на Гутю. Та стояла, словно плакальщица в траурной процессии – склонив голову и прижимая к глазам платочек, только что не была в голос. И Варька рядом с ней хлюпала носом – совсем, видать, с собой справиться не могла, психолог, называется.

– У нас тут несчастье... – горестно проговорила Варька. – Дед с бабушкой разводится.

– Совсем, что ли?! – вытаращилась Аллочка на отца.

– Совсем, дочура! – рубанул ладонью Влас Никанорыч. – Окончательно!

– Я говорю – совсем вы с ума посходили? – рявкнула дочь. – Куда вам расходиться? Что не поделили – корову? Так их у вас две! Гутя! Давай им еще одну корову купим.

Отец упер руки в бока и медленно, но жестко проговорил:

– Коров нам хватает... А с матерью вашей... Варька! Накрывай на стол. Не могу больше, сил нет терпеть! Наливай!

Только после третьей стопки, когда все Неверовы уже и не надеялись узнать всю правду, Влас Никанорыч заговорил.

– Запил я, – чувственно начал он и заранее смахнул слезу. – С мужиками сено скосили, и я немного выпил, с устатку... Недолгопил, понимаю ж – дома и крышу починить надо, тут еще проводка электрическая полетела... и погреб опять же надо почистить... Вы-то хрен когда приедете, ручки марать не желаете! Только деньги суετε! А фи́га я с этими деньгами-то сделаю? Только пить на них и остается. Пил я себе, пил... а потом, через неделю, прихожу домой-то... прихожу... а мать ваша! С мужиком!

– Ка-а-ак?! – не поверила Аллочка. – Обалдеть! Прямо так и с мужиком? В постели?

– Ты чё мелешь-то, дура?! – треснул ее ложкой по лбу отец. – Чего на мать родную плетешь? Как это она в постели с мужиком? Нет! Он, как и полагается, возле лампочки торчит, проводку чинит, а она чегой-то все возле печки вьется.

– И что? – поторопила его Гутя. – Она возле печки, он на лампочке висит, и что?

Отец выпучил глаза:

– И ничего! Обиделся я. И прямо так и заявил: «Ежли, говорю, тебе чужой мужик милее, так и оставайся с ним, неверная!» И все. И уехал к вам. Бросил я ее. Ты, Гуть, вот чего: ты б мне сыскала бабенку, а? Чтоб городскую, а? Фом, может, у тебя какая знакомая на примете имеется?

Фома нервно вздрогнул и уставился на Варьку. Если бы у него и имелась по нелепой случайности какая-нибудь безнадзорная знакомая, он бы не признался даже под пытками.

– Ну? Что молчишь? – ткнула его в бок Варька. – Имеется? Помоги дедушке.

– Откуда? – честными глазами заморгал Фома. – Откуда у меня женщины? У меня ж только больные!

– Придется искать... – грустно выдохнул Влас Никанорыч и опрокинул еще рюмку. – Гутя! Слышь, чего батя говорит? Искать, говорю, вам придется... себе новую мамку!

– А я вот что думаю, – сверкнула глазами Аллочка. – Что нам легче нового папку найти. А что? Будет он жить в деревне, мы ему бычков на откорм купим, дело свое заведет, деньгами помогать станет... А если у того папки еще и квартира в городе случайно окажется, так я сразу же туда и пропишусь! Чтоб кому другому не досталась. Гутя, посмотри, у тебя там, кажется, Иван Иванович на примете имеется, очень он пасекой интересуется...

– Эт-то какой такой Иван Иванович, а-а?! – побледнел Влас Никанорыч и стал медленно подниматься со стула. – Эт-то кого вы себе там отыскиали еще? Какого такого папку, я интересуюсь знать! Бычков они ему купят! А мне?! Где мои бычки?!

– Пап, а какие ж тебе бычки, если ты, как маятник – из деревни в город, из города в деревню? – не сдавалась Аллочка. – Сколько можно матери нервы трепать?

– Я ей ничего не трепая! Не... треплю. Я!.. Я, может, ей того... отдохнуть от себя дал? Чтоб она успокоилась, не психовала, а то ить она ж меня после того запою прямо чугуном по темечку-то, прям чугуном! Во, глянь! Фома, ты ж врач! Глянь, говорю... вот тут, аккуратно на темечке, закрытая рана... Видишь?

На темени отца и в самом деле проглядывался кровоподтек.

– А об спину мою все коромысло разломала! Щас покажу... Это я ниже поясницы удары-то принял... Девки! Ну, чего выпялились? При вас, штоль, штаны-то скидать? Фома! Иди, тебе покажу, ты как врач пронаблюдаешь...

– Да ладно, – отмахнулся Фома. – Я вам верю.

– Ну вот! И как же я останусь? – не успокаивался батюшка. – Это она меня днем так-то изувечила, а что ночью придумает? Она ж ночью меня точно, как барана, – на кол, да в печку! А к утру – пожалте: барашек на вертеле!

Отец так разобиделся, что даже остатками водки ни с кем не стал делиться, допил прямо из горлышка, так, обиженный, и отправился спать. Утром папаша не знал, куда девать глаза.

– Девчонки, вы, это... матери хоть письмишко-то черканите, – попросил он, собирая вещи.

– Пап, ну какое письмишко, если мы ей звоним через день, – удивилась Гутя.

– Черканите, – настаивал папаша. – Чай, рука не отсохнет. А я, как приеду, сразу ей в зубы – письмо! И она тут же сообразит, что я не где-то по девкам шлялся, а навещал родных деток. Да напишите вы письмо, едрена корень!

Дочери не только написали письмо на двух листах, но и набрали полную сумку гостинцев; попросту сгребли все, что лежало в холодильнике.

– Ну и славно... – успокоился батюшка, потом на секунду приник к Фоме и скороговоркой протараторил: – Фомка, а ты там приглядывай, может, попадется какая молоденькая инвалидка, чтоб только с квартирой и с лица хорошенькая. И сразу же звони!

Пока Фома растерянно хлопал глазами, Аллочка уже совала папеньке пакеты в руки, а Варька придвинулась к супругу вплотную – родной дедушка ей доверия не внушал.

Влас Никанорыч спешно простился и быстро сбежал по лестнице.

– Гутя! Посмотри, который час? – взволновалась Аллочка. – Нам сегодня у Назаровых во сколько надо быть? Мы не опоздали уже?

Гутя даже на часы не стала смотреть:

– Нам к пяти, успеем.

– Ага, успеем! К пяти, а у меня еще кудри не завиты, маска не наложена! – металась по комнате Аллочка. – Куда опять задевали мои бигуди? Фома! Ты не видел?

Фома только дернул бровью, а потом тихо прошептал на ухо жене:

– Варь, у меня внешность изменилась, что ли? Один просит, чтобы я его к девкам сводил, другая вообще – решила, что я трансвестит...

– А это потому, что ты мало времени уделяешь супруге! – тут же нашлась Варька и кинулась на защиту мужа. – Аллочка! Между прочим, ты свои бигуди зачем-то засунула в холодильник, наверное, опять их от мамы прятала, сама вытаскивай свои крабовые палочки.

Аллочка, обиженно сопя, вытащила бигуди (они отчего-то и впрямь нашлись в холодильнике) и принялась готовиться к вечеру. Назаровы всегда гуляют на широкую ногу, и сегодня обязательно будет Степан – шофер Кирилла Андреевича, а значит, и выглядеть надо на все сто.

Назаровы жили в коттеджном поселке, езды до их дома было минут двадцать, а потому Неверовы были готовы за полчаса до назначенного времени, и новенькая машина Фомы уже стояла у подъезда, когда Гутя вдруг схватила за сердце:

– Какой ужас! Стыд какой! Боже, какой стыд! – вдруг воскликнула она, забегала по комнате, прижимая ладошки к щекам, и только повторяла: – Господи, ну как же неудобно! Боже, оказывается, у всех нас воспитание хромает на обе ноги!

– Да его вообще нет, а что случилось? – равнодушно отозвался зять.

– Мама, наверное, просто забыла накрасить губы, – предположила Варька.

У Аллочки была своя версия. Она подскочила к сестре и зашипела ей в самое ухо:

– Что ты опять натворила, горе мое? Признавайся – надела мой новый лифчик, да? Который я за пятьсот рублей купила? Говори же!

Гутя вытаращила на нее с полным непониманием, некоторое время хлопала ресницами, потом покрутила пальцем у виска:

– Аллочка, ты что?

– Фома, о воспитании ты верно заметил, – тут же проговорила Аллочка. – Гутя, признавайся – что ты учудила?

– Да почему это я?! Это все мы, – накинулась на родню Гутя. – Целую неделю собирались к ребенку на день рождения, а о подарке и не подумали!

У Аллочки вытянулось лицо:

– Так ты до сих пор не купила Машеньке подарок? Какое свинство с твоей стороны!

– Да почему с моей-то?! Ты, что ли, купила? – возмущалась Гутя.

Но ее уже не слушали.

– Мама! Бегом в машину. Сейчас можно купить все, что хочешь. Мы еще успеем.

– Конечно, если только ты не забудешь взять деньги, – аккуратно напомнила Аллочка.

В подарок девочке Неверовы купили замечательную куклу, ростом даже не с Машеньку, а с саму Гутю. Покупкой все остались ужасно довольны, правда, из-за этого немного опоздали на торжество. Они уже придумали оправдание, дескать, Аллочке стало в машине дурно, и пришлось несколько минут потратить на ее самочувствие, однако их опоздания никто не заметил. Гости с детьми собирались раньше, они уже вытерпели выступление клоунов и скоморохов и теперь жадно поглядывали на столы.

– Гутя! Аллочка, Фома, проходите, – кинулась встречать их радушная хозяйка и тут же, по старой традиции, вытолкнула вперед вконец уже замотанную именинницу. – Машенька, провожай друзей в гостиную!

Комната была украшена шарами, цветами и гирляндами. Между скучными взрослыми гостями степенно прохаживались малыши, и только изредка, забыв обо всех правилах приличия, они нет-нет, да и затевали перепалку между такими же малышами, начинали играть в догоняжки или (что уж совсем было неприлично) прятались за тяжелые портьеры. Напыщенные мамочки шикали на детвору, но с каждой минутой удержать младший гостевой состав становилось все труднее.

Аллочка пробежала глазами по приглашенным. Несколько пар с детьми, три степенные старушки, два одиноких молодых человека, один из них – невыносимый красавец, тройка

накрашенных девиц с затуманенным взором, вероятно, подруги Жанны. Видно было, что гости уже давно рвутся за столы, но хозяйка по какой-то причине все еще выжидает.

– Что-то я Кирилла Андреевича не вижу, – подошла к Аллочке Гутя.

– Да что там – Кирилла Андреевича, даже шофера его нет! – с досадой отозвалась Аллочка.

– Ой, я уже звонила Кирюше, – тут же подскочила Жанна. – Он сегодня встречает партнеров по бизнесу, никак не может вырваться пораньше. Просил, чтобы мы его не ждали, приедет попозже. И, конечно же, Степан прибудет вместе с ним... Господа! Прошу за столы! Кирилла ждать не будем, он задерживается. Он только что отзвонился, просил не ждать... Дела, – и она с милой извинительной улыбкой развела руками. – Валентина, уведите детей наверх, там накрыты чудесные столики.

Няня увела детвору, гости с шумом стали усаживаться. Глаза заблестели веселее, голоса зазвучали громче, а томные девушки, не дожидаясь первого тоста, принялись стремительно стрелять глазами в сторону одиноких красавцев.

– Вовчик! Садись, я тебе здесь место держу!

– Мне вон того салатика... да нет же, я вам на другой показывала! Что вы мне какую-то гадость положили?

– Да хватит вам ковыряться. Ешьте, что дают!

– А что это бабушки Виолетты не видно? Говорят, она чудно вышла замуж!

– Поэтому ее и не видно. Не хочет дразнить своего мальчика молодыми телами, ха-ха-ха!

– Да нет же, девочки! Она приезжала, привезла Машутке старые серьги в подарок, а они даже не золотые.

– Какой ужас! Так экономить на ребенке. А вы сами что подарили? Мы, например, маленькую гоночную машину. Простенько и со вкусом.

– Мы тоже простенько. Мы подарили карусель. Сейчас ее во дворе устанавливают. И тоже со вкусом, между прочим!

– Да что там ваш вкус, ха! Кирилл свой дочери обещал подарить домик на островах. Теперь по агентствам носится, выбирает.

– А Жанна что?

– Жанночка против. Но думает, что папаша уймется. А какое там уймется, если он уже договорился, в каком банке кредит оформлять будет! Не помню только, где – то ли на Мальдивах, то ли на Гавайях. Вот это я понимаю – простенько! Сейчас бумаги оформляет!

– Обалдеть! И что девочка с этим домиком будет делать? Кстати, мы совсем недорого могли бы за ним присмотреть. Буквально за символическую плату. Да, а Вета где? Ее сегодня не будет?

– Жанночка сказала, что она придет чуть позже со своим мальчиком.

– С ума сойти, как растут дети! Еще сама с мальчиками не нагулялась, а уже дети туда же...

– Да у вас-то никаких детей нет, гуляйте с кем хотите!

Под этот мерный рокот гости насытились довольно быстро. Хозяйка, услышав, что вилки и ножи гремят уже потише, тут же притащила Машеньку, поставила ее на стул и заставила пролепетать стишок. Умиленные гости кинулись дарить подарки. Потом Машеньку унесли, и гости накинулись на обновленный стол. Аллочка уже наелась и теперь, дабы не скучать, кидала лукавые взгляды на высокого блондина в темно-сиреновом костюме. Блондин рассыпался в комплиментах, но, поскольку Неверовы сидели от него далеко, Аллочке никак не доставался его лучистый взгляд.

– Аллочка, ты сейчас из платья выпрыгнешь, – прошипела Варька. – И вообще, сколько раз тебе говорить – если берешь мои наряды, то хоть шалью сверху прикрывайся, у тебя все складки наружу!

– Зато как смотрится грудь! – парировала Аллочка и снова потянулась со своим фужером – чокнуться с блондином.

Потом снова пили, ели, красавец-блондин все никак не замечал прекрасную даму на другом конце стола. Аллочка заскучала. Поэтому, когда все пошли курить, она вскочила первой.

– Аллочка, ты куда? – накинулась на нее Гутя. – Там только сигары курят. Ты хочешь выкурить сигару?

– Я хочу хоть что-нибудь еще, кроме стола, – огрызнулась Аллочка. – В конце концов, я могу пойти в бильярдную. И если никто из мужчин не додумается составить мне компанию, одна шары погоняю!

Она явно лукавила. Аллочка слишком хорошо знала, что некоторые из мужчин обязательно уединятся в бильярдной, и лучше туда прийти раньше них, а то опять потом начнут эти родственники шипеть о правилах приличия.

В это время в гостиной уже включили музыку, но Аллочка не осталась. Может быть, она и прослушала бы пару мелодий, но блондин удалился курить, второго свободного молодого человека уже подхватила и повела на танец чья-то бесстыжая рука, и интерес к музыке у гостей пропал.

Бильярдная находилась на первом этаже, но в другом конце дома. Аллочка уже не в первый раз была в гостях у Назаровых, и провожать ее не требовалось. Завернув по пути в дамскую комнату и подправив красоту, она уверенно толкнула тяжелую дверь.

В бильярдной было темно. Аллочка включила свет, и над роскошным столом вспыхнули три абажура.

– Ну вот, потренируюсь пока в одиночестве, а там...

И тут горло ее сжал леденящий ужас, крик застрял глубоко внутри, а сердце, казалось, резко оборвалось куда-то вниз.

За бильярдным столом, возле большой разбитой вазы, лежала Виолетта, а голова ее покоилась в какой-то черной луже. Вся поза девочки была настолько неестественна, что Аллочка ни минуты не сомневалась – она мертва.

– Фо... ма-а-а-а... – просипела Аллочка.

Медленно, шатаясь, боясь повернуться к девочке спиной, она вышла из бильярдной, захлопнула дверь и только потом понеслась обратно к гостям.

– Жанна!! – кричала она. – Жанна! Фома!!! Да Гутя же!

В гостиной все так же гремела музыка, скакали пьяненькие гости, и криков Аллочки никто не слышал.

– Гутя! Фома!! – подбежала к своим Аллочка и тихо выдохнула: – Там... там Виолетту убили... в бильярдной...

– Тихо! – рывкнула Гутя, ни минуты не сомневаясь в том, что сестра говорит правду. – Ты сейчас такую панику устроишь... Фома! Давай в бильярдную. В конце концов, ты у нас врач или кто?

– Да слышу я, – уже направился туда Фома. – Варьку не пускайте.

– Варька, звони в милицию, – распорядилась Гутя. – А ты, Аллочка, найди Жанну.

– Сама знаю... – тяжело дышала Аллочка. – Вот только б знать, куда она провалилась!

Гутя унеслась за Фомой, Варька побежала за ними следом, на ходу нажимая на кнопки сотового телефона, а Аллочка принялась заглядывать во все двери подряд – где-то же должна быть Жанна!

Хозяйка выскочила из какой-то двери совсем неожиданно, наткнулась на Аллочку и невероятно смутилась:

– Аллочка?... А я... я тут... подарок Машеньке запрятала, не помню куда... – глупо хихикнула она, подхватывая гостью под руку. – Ну, пойдете же к гостям! А отчего вы не танцуете?

Аллочка остановилась, вперилась взглядом в молодую женщину и четко произнесла:

– Там в бильярдной лежит Виолетта. Мне кажется, она уже мертвая.
Жанна сначала даже не поняла, что ей сказали.

– Аллочка, пойдете же танцевать! Ну, что вы упира... Аллочка, вы что – много выпили?
Что вы мне сейчас такое... Где, вы говорите, Виолетта?

Она все еще не могла поверить, поэтому разумное мышление у хозяйки дало сбой.

– Зачем вы меня пугаете? – постепенно начал доходить до нее смысл сказанного.

– Пойдемте в вашу бильярдную... Я честно предупреждаю, Аллочка: я, конечно, вам многим обязана, но такие шутки!.. Вряд ли я смогу вам это простить...

– Да какие, к черту, шутки! Я чуть сама там не скончалась! – рывкнула на нее Аллочка и потащила молодую женщину за собой.

В бильярдной, кроме Неверовых, все еще никого не было. Фома стоял на коленях возле девочки, Гутя перекрыла собою дверь, а возле двери тряслась Варька и беспрерывно тыкала в кнопки.

– Ты кому? – кивнула Аллочка на телефон.

– В милицию... и ее, этому... Назарову. У Назарова телефон недоступен.

Жанна по инерции быстро прошла к столу, увидела за ним лежавшую на полу падчерицу и, тихонько охнув, стала медленно сползать на пол, цепляясь за стол.

– Аллочка! Уведи ее! – крикнул Фома. – Уберите ее куда-нибудь!

– Варька! Уведи Жанну!

Варька подхватила потяжелевшую вмиг Жанну и поволокла ее из комнаты.

– Как она? – глупо спросила Аллочка о Виолетте.

– Уже никак, – поднялся Фома, старательно вытирая руки платком. – Она об стол... головой... но не сама. Ее кто-то по голове ударил. И сильно. Девочка не могла так упасть, чтобы разбить голову... вдребезги. А как ты на нее натолкнулась?

– Я не наталкивалась, просто пришла поиграть в бильярд, включила свет, а тут она...

– Ты хоть ничего здесь не трогала? – всхлипнула Гутя. – С тебя станется...

– Что это с меня станется? – тихо возмутилась Алла. – Что я – в первый раз, что ли? Ко мне ведь всякие ужасы липнут, как блохи к собаке. Я уж в таких-то вопросах целую собачью свору съела...

Аллочка не врал. С подобными ситуациями ей уже приходилось сталкиваться. Мало того, она даже несколько раз находила преступников! Только все равно никто ее стараний не оценил, и всерьез умную сыщицу не воспринимали.

– Да уж... – вздохнула Гутя. – Только давай сейчас все предоставим милиции, я и без того себе места найти не могу... Не вмешивайся ни во что!

Аллочка засопела. Ну как она может пообещать не вмешиваться, если ее помощь просто необходима доблестной милиции?

Через несколько минут в бильярдную просунулась голова Варьки. Молодая женщина усиленно моргала, кивала головой и делала Аллочке какие-то непонятные знаки.

– Варь, что ты рожицы корчишь? – спросил Фома. – Можно подумать, мы не видим.

– А я вас и не боюсь, мне Аллочка нужна, – быстро проговорила Варька. – Аллочка, пойдём, быстрее.

Племянница поволокла тетку куда-то по коридору.

– Пошли, еще быстрее! А то милиция придет, и ты не увидишь, – шептала Варька на ходу. – Только тихо, мы с горничной Надей Жанне снотворное вкатили...

И она толкнула дверь.

Это была комната Виолетты, Аллочка здесь бывала. На кровати девочки теперь спала Жанна.

– И что? – не поняла Аллочка.

– Смотри, – потащила Варька тетку к столу. – Вот!

На столе Виолетты лежали какие-то тетради, книга, стопка чистой бумаги, а из-под стопки выглядывали газеты.

– Смотри, – тихо проговорила Варька, вытащила одну из газет и развернула.

На странице уже знакомыми Аллочке буквами было написано: «Готовься к смерти».

– Это... это что? – ткнула пальцем в газету Аллочка. – Откуда?

– Не знаю... – тяжело вздохнула Варька и виновато взглянула на тетку.

Аллочка не стала раздумывать, быстро схватила газеты, туго свернула и спрятала за пазухой.

– Не видно?

Варька помотала головой.

– И хорошо, только ты милиции не говори, что тут газеты были, ясно? – предупредила Аллочка. – Потом я над этим всем подумаю. Пойдем отсюда...

Она потащила племянницу к раскидистой пальме и, убедившись, что их никто не подслушивает, спросила:

– Как это ты нашла?

– Да я ничего и не искала, – приглушенно заговорила Варька. – Мне надо было оттащить Жанну куда-нибудь, а эта комната первой открылась, остальные все на замки позапирала. Ну, мы туда и... Жанна сразу плакать начала, что-то говорила... Потом я Надю позвала, она лекарство принесла. Я сидела, ждала, когда Жанна уснет, и комнату оглядывала. Я же знаю, что тут Ветка жила... Мало ли что могло на глаза попасться. Но комнатка чистенькая, ничего особенного я не заметила, подошла к столу, ну и... я сразу внимание на эти газеты обратила. С чего бы, думаю, на девчоночьем столе пресса завалилась? Посмотрела, а там...

– Хреновый ты, Варька, психолог, – со слезами на глазах пролепетала Аллочка. – Говорила, что это меня только пугают, а тут, видишь, что делается?! Виолетту тоже пугали, а потом – раз, и... Вот и меня так же... когда-нибудь... раз и... бильярдным столом по голове...

– Хватит, а? Что за ересь ты несешь? – накинулась на тетку Варька. – Тут еще надо разобраться...

В это время из гостиной сюда донеслись бурные восклицания, крики и вопли.

– Что это они? – насторожилась Варька.

– Радуются чему-то... – пожала плечами Аллочка. – Они же ничего не знают... А вообще, надо посмотреть.

В гостиной творилось нечто невообразимое. Гости уже самостоятельно себя обслуживали, очевидно, ни в чем себе не отказывая, во всяком случае, в алкоголе. Они уже мало что воспринимали, однако появление хозяина с целой свитой коллег все же привело их в дикий восторг. Возле мужчин скакали хороводом ошалевшие мамочки, высоко выкидывая ноги.

– Аллочка! Здравствуйте! – заметил Аллу Кирилл Андреевич, когда она, прорвавшись через цепь хоровода, подошла к нему вплотную. – А где Гутиэра Власовна? Варя? Фома? И Жанны не видно... Что-то хозяйка не слишком гостей веселит...

– Какое, к черту, веселье!.. Кирилл Андреевич, у вас большое горе... – одернула его Аллочка.

Но хозяин ни о каком горе слышать не желал.

– Какое горе, Аллочка? – весело кричал он. – Мы только что справились со всеми бедами! Только что отправили наших зарубежных партнеров восвояси, они остались жутко рады, а мы теперь имеем все основания для расслабухи. Кстати, знакомьтесь – это всё директора.

Директора мялись тут же, неуверенно поглядывая на гостей, и по глазам их было видно, что им не терпится присоединиться к общему веселью.

– Кирилл Андреевич, вы – мужчина? – набычилась Аллочка.

Тот как-то испуганно дернул бровью, выпучил глаза и, заикаясь, спросил:

– А... А... почему вы сомневаетесь? Я как-то не так выгляжу?

– Тогда пойдемте со мной! – велела Алла.

– Вау! – взревели вокруг. – Молодец баба, сразу и проверять!

– Аллочка! Я за вами – хоть на край света, но боюсь, как бы нам не помешала Жанна, – дурачился Кирилл Андреевич. – Она дико ревнива!

– Да хватит вам идиота корчить! – прикрикнула на него Аллочка. – Идемте же, что вы упираетесь?

Кирилл Андреевич развел руками перед гостями, дескать, ничего не могу поделать, желание женщины – закон, и подхватил Аллочку под руку.

– И куда мы с вами отправимся, соблазнительница? – уже в коридоре шутил он.

– Я же вам говорю – у вас горе. Вы хоть подготовьтесь как-то, что ли! Ну... я не знаю... улыбку эту дурацкую уберите, брови сдвиньте. Сделайте такой вид, словно у вас... беда. Говорю же – горе стряслось!

– Да никакого горя у меня нет, с чего вы взяли?

– Есть! – топнула ногой Алла. – Ну что мне с вами спорить, что ли?

– А! Понимаю! Петровна опять сожгла мясо, да? Я ее сегодня же уволю.

Возле бильярдной Аллочка резко остановилась.

– У вас дочка погибла. Виолетта. Возьмите себя в руки!

– Ну уж, знаете что? – начал было Кирилл Андреевич, но Аллочка уже впихнула его в комнату, проскользнула следом и закрыла двери.

Больше Назарову ничего говорить не пришлось. По лицам Гути и Фомы он понял – свершилось нечто ужасное. И уже в следующий момент взгляд его упал на лежавшую недвижно дочь.

– Это что?.. Фома... Гутиэра Вла... Это... О боже! Виолетта... Веточка... девочка моя... – забормотал он, опускаясь перед дочерью на колени. – Господи, кто ее так? Она дышит? Я вас спрашиваю! Ну скажите же...

– Так-так-так, никому ничего не трогать!

Неверовы дружно подавили вздох – в бильярдную входили четверо мужчин в милицеевской форме.

Глава 2

Кому нужны большие деньги?

Домой Неверовы вернулись скорее рано, нежели поздно. Им казалось – лишь только они доберутся до заветных кроватей, как тут же упадут без сил, настолько их вымотал сегодняшний тяжелый вечер. Сначала бурное веселье, потом такое потрясение в бильярдной, а затем еще долгие беседы с милицией...

Самих Неверовых опросили в первую очередь. Однако сыщица Аллочка из своего богатого опыта уже знала – стоит сейчас только уйти домой, и она никогда не узнает, что же удалось накопать милиции. За долгие годы своих поисков Аллочка не раз помогала милиции, делилась с ними своими находками, но вот милиция с Аллочкой – никогда! Поэтому, выйдя из бильярдной после разговора с сердитым усталым майором, она тут же развела бурную деятельность – прилипла к двери, а Варьку определила подслушивать к розетке в соседнюю комнату. Гутя же расположилась с другой стороны окна. Нетрудно представить, в каких скрюченных позах провели дамы остаток вечера. И ведь что самое обидное – ничего, за что бы можно было зацепиться, они так и не выяснили! Зато им по несколько раз пришлось выслушать откровения каждого гостя.

– Ну и что? – набрасывались на Аллочку женщины, когда Фома вез их домой. – Надо было нам в этой засаде торчать столько времени! Ничего не узнали, а уже могли бы часа три спать.

Аллочка только сопела. Откуда она могла знать, что эти гости настолько непродуктивные.

– Нечего на нее нападать, – неожиданно поддержал ее Фома. – Зато представьте, сколько сил и времени она вам сегодня сэкономила. Это ж сколько свидетелей вам пришлось бы обежать, расспросить, если бы не ваши уши!

И Аллочка воспарила. Да! Она была права. И даже дома сыщица не успокоилась. Да и никто из Неверовых спать не торопился.

– Я все равно узнаю, кому могла помешать Виолетта, – гроыхала по дому тапками Аллочка и, как флагами, размахивала газетами с известными уже угрозами.

– Ты все-таки хочешь сама распутать это дело, правильно я поняла? – напрямик спросила Гутя.

– А ты хочешь, чтобы я отправилась вслед за Виолеттой? – вскинулась Аллочка и сунула газеты прямо в нос сестре. – Вот! Ей ведь тоже послания приходили, а она, наверное, как и я – не верила. И вот тебе пожалуйста!

– А если... а если это не ей посылали, а она? Буквы печатные... даже переведены через трафарет... – осторожно заметила Варька. – Так что, кто это написал, мы не знаем.

– Это вы не знаете! А я знаю – не она! – бегала по комнате Аллочка. – Зачем? Зачем ей саму себя пугать?

– А если не себя? – предположила Варька. – Если она тебе, к примеру, это писала?

– Варя, у тебя последние мозги рассосались, – сообщила девушке трепетная тетя. – Зачем Ветке просить у меня денег, если я совершенно нищая?! Вот скажи, Гутя, когда ты мне в последний раз давала деньги? Говори-говори, не стесняйся! Не помнишь? А я скажу. В понедельник. Какие-то дохлые пятьсот рублей!

Как-то так случилось, что Алла Власовна нигде не работала. С ее отсутствующим образованием найти достойную работу оказалось очень не просто, и поначалу решили, что она будет сидеть дома и вести домашнее хозяйство Неверовых. Пока не подыщет работу. Потом как-то само собой выяснилось, что и хозяйство она вести не умеет, и работу искать ей уже не хочется, и вообще – гораздо удобнее так. Однако единственная вещь не давала Аллочке жить спокойно – у нее совсем не водилось денег. Гутя выдавала ей какие-то суммы, но так редко...

– А эти деньги – не те, из-за которых пишут записки! Это и не деньги вовсе, а милостыня, – все больше расходилась Аллочка. – Я бы даже сказала – пенсия!

– Аллочка, ведь это только на карманные расходы... – виновато заморгала Гутя.

– У меня, между прочим, не такие малюсенькие расходы. Да просто стыдно! За такие деньги на меня даже порядочный вор позариться не может. А только псих какой-то – только перепиской занимается. И конечно же, это не Ветка! Она знает, что писать надо Гуте, а не мне. Я недавно их с Жанной в магазине встретила, просто не знала, куда от стыда деваться. Они знаете как платья покупают? Знаете? Они просто фасон выбирают, а цену им уже на кассе говорят! А мы – сначала на ценничек глянем и уж, если только он подходит, ищем, что бы на себя натянуть.

Тут Аллочка рухнула на диван и театрально возложила руку на лоб.

– Как стыдно быть нищей, боже, как стыдно! – воскликнула она.

– Так иди работай... – наивно предложил Фома.

– Варька! – вскочила Аллочка. – Если твой муж еще что-нибудь скажет!.. Я вообще!.. Я не знаю что! Фома! Иди покорми кота Матвея! Он уже давно мявкает, а от тебя все равно никакого толку!

Фомка подхватил толстого кота и потащился с ним в кухню, жалуясь на судьбину:

– И как только мы, Матюха, с ними живем? Нет, я, конечно, могу и удалиться, но если кто-нибудь когда-нибудь попросит меня поставить градусник... Матвей, я тебе как мужик мужику обещаю... Такую клизму задвину!

– И все же, – настаивала Варька. – Почему Виолетта никому не говорила, что ей приходят такие записки? Может быть, она сама их и писала?

Аллочка уже вовсю сопела паровозом – она терпеть не могла, когда ее не слушали.

– Гутя! Объясни своей дочери, что Сигизмунду венки вручала какая-то тетка, и вовсе это была не Ветка, я же видела.

– Правда, Варя, что ты зациклилась? – упрекнула дочь Гутя. – И потом – откуда ты знаешь, что Вета никому не говорила об этих угрозах? Не станут ведь Назаровы распространяться об этом каждому встречному и поперечному. Надо поговорить с Жанной, с Кириллом Андреевичем, спросить...

Варька печально вздохнула:

– Их сейчас и трогать не хочется, у людей такое горе... Когда я с Жанной в той комнате сидела, думала, она с ума сойдет, честное слово...

– И меня Кирилл Андреевич чуть не пришиб, когда я ему об убийстве рассказала, – обиженно вспомнила Аллочка. – Так что вы тоже были на волосок от горя, сейчас, может быть, и меня бы оплакивали...

– Аллочка! Прекрати немедленно! Ну что за дурь тебе в голову лезет! – прикрикнула на нее Гутя.

Но Аллочке жутко понравилось себя жалеть, поэтому она фантазировала дальше:

– Вот придушил бы меня Назаров, как вы бы сейчас мучились! Гутя, ты бы плакала: «Аллочка, сестричка моя ненаглядная! Отчего я для тебя денег жалела! Какая я подлая! Жадина-говядина!»

– Хватит! – рявкнула Гутя и сурово скомандовала: – Всем спать. Уже вставать пора, а мы еще и не ложились. А ты, Аллочка, если хочешь и в самом деле убийцу найти, завтра к Назаровым поезжай и переговоры с прислугой. Я надеюсь, ты хотя бы дня три пощадишь самих родителей.

– У меня уже намечены переговоры с Петровной, с Надей, кстати, нужно побеседовать и со Степаном – он очень ценный свидетель! И еще... Завтра не будите, мне надо иметь свежую голову и хорошо выглядеть. И потом, надо еще записать план действий!

И она величаво отбыла в опочивальню.

– Варь, дай что-нибудь успокоительное, – попросила Гутя и вдруг спросила: – А ты как думаешь – нашей Аллочке и в самом деле угрожает что-то серьезное?

Девушка с сомнением пожала плечами:

– До сегодняшнего дня я была уверена, что эти угрозы – чьи-то нелепые шутки, но... Я помогу Аллочке в поисках преступника.

– Что там – помогу, – вздохнула Гутя. – Все его искать примемся...

– Варька! Как пишется – «опросить» или «опрасить?» – высунулась из своей комнаты Аллочка.

– Да кто твои записки Шерлока Холмса проверять будет, – отмахнулась племянница.

– Несознательная! – сморщилась тетушка. – Я же потом свою тетрадь передам милиции! А может, и на телевидение ее пошлю, ну, чтобы потомки знали, и все такое...

– Гутиэра Власовна, – появился в комнате Фома. – Вы просили успокоительное.

– Так я у Варьки просила, а ты как догадался? – вздрогнула Гутя. – Опять, что ли, подслушивал?

– Не опять. И не подслушивал. А держал ситуацию под контролем! – гордо тряхнул кудрями Фома. – Кстати, поскольку я постоянно нахожусь на работе, то настоятельно требую – держать меня в курсе всех событий. И если атмосфера станет хоть чуточку накаляться... Я, как единственный мужчина в доме, приказываю – немедленно прекратить все передвижения и ждать меня, ясно?

– Так точно! – браво отсалютовала теща и тихо добавила: – Каждый суслик – агроном, ну прямо все командуют...

Наутро Фома унесся к себе в клинику, Варька побежала на работу, писать заявление на отпуск по семейным обстоятельствам, а Аллочка привела себя в порядок и направилась к Назаровым. Те были наслышаны о том, что Алла Власовна бредит детективами, поэтому должны были встретить ее с благодарностью. Во всяком случае уж не станут они отказываться отвечать на ее вопросы.

Но в доме ни Кирилла Андреевича, ни Жанны не оказалось. Да и прочей прислуги не наблюдалось, только в кухне Петровна одиноко гремела кастрюлями.

– Здравствуйте, а вот и я, – с улыбкой появилась в дверях Аллочка.

– Не очень-то и ждали, – буркнула пожилая повариха.

Аллочка на ее грубость даже не обратила внимания. Петровна всегда славилась своими изысканными блюдами и отвратительным характером. И каждый раз Кирилл Андреевич стоял перед вопросом – то ли уволить повариху за склочность и плюнуть на желудок, то ли пожалеть организм и начихать на всех остальных, потому что никому от Петровны просто житья не было. До сего дня, похоже, господин Назаров именно чихал, потому что вредная баба еще работала.

– А где я могу увидеть Кирилла Андреевича? – спросила Аллочка и потянула носом – от кастрюль веяло головокружительным ароматом, а пироги на столе просто дышали! – Или Жанну?

– Нигде! Вот завтра поминки будут, тогда милости просим, а сегодня нечего здесь околачиваться! – недобро сверкнула глазами повариха и проворчала себе под нос: – Ходют и ходют... того и гляди, сопрут что, а отвечать завсегда мне...

Но Аллочка не сдавалась:

– А Надя, горничная, где?

– Где-где! В Караганде. Нету вашей Нади. Исчезла, и никто не знает куда. Одна я тут за десятерых! Никаких рук не хватает.

У Аллочки от изумительных запахов что-то заскулило в животе.

– Еще брюхом тут урчит стоит! – зыркнула на нее тетка.

– Вы на меня не кричите! – не выдержала Аллочка. – Я, между прочим, к вам не просто так хожу, брюхом урчу. Я – детектив. Убийство расследую!

– Да все вы хороши! Кто дефектив, кто просто пожрать ходит. А вчера, между прочим, кой-то тушу свиную спер из холодильника! А мне сегодня хозяин нагоняй устроил. А разве ж я за всеми угляжу? Вот ты чего толкешься, спрашивается? Чего выглядываешь? Курицу хочешь утнать? Я тя половником-то! Ступай отсюда! Сказано тебе – никого нету.

И тут с Аллочкой случился приступ нежданной наглости. Она, спокойно глядя в глаза сварливой поварихе, схватила со стола пирожок и затолкала его в рот.

– Совсем совесть потеряла... – растерянно пробормотала та. – Одурела... Да я ж тебя сейчас пришибу сковородой! Да я ж убью тебя, дрянная такая!..

– Вот еще один сопру... – ухватила Аллочка второй пирог. – И убивайте на здоровье. За такие пироги и умереть не жалко.

Из-за этого неслыханного поступка пожилая женщина, вопреки всему, не кинулась на гостью с кулаками, а по-доброму хихикнула.

– Неужель так понравились? – лукаво блеснули ее глаза. – Это меня еще моя бабка научила стряпать. Возьми еще пирожок-то, чего по одному таскаешь... А дома и впрямь никого не найдешь. Сам хозяин носится, мечется с похоронами дочки, почернел весь, хозяйка повезла Машеньку к матери, чтоб не пугалась девчонка, а Надька... сбежала, наверное, откуда мне знать! Завтра в два похороны, в ритуальном зале все будут, а сегодня не до тебя им. Ступай домой, не гневи душу!

Аллочка решила, что и впрямь – лучше не гневить. Завтра в два она приедет и всех застанет.

На следующий день на похороны к Виолетте Неверовы собрались в полном составе. Хотели приехать сразу же в ритуальный зал. Однако в самый последний момент оказалось, что у Фомы какие-то неотложные дела с машиной – надо было что-то подтянуть, подлить и поменять.

– Вот у нашего Фомочки каждый раз так! – все больше зверела Аллочка, то и дело выглядывая во двор, где стояла Фомкина красавица, возле которой он крутился, словно ошпаренный пес. – Легче самой помереть, честное слово, тогда бы быстрее на кладбище добрались!

– Если тебе так не терпится, можешь такси вызвать, – не выдержала Варька. – А если он коврики не помоеет, мы, может быть, и не доедем никуда.

Аллочка такси вызывать не хотела – не было лишних денег, поэтому она ненадолго приоткрыла рот и только строила в окошко страшные гримасы, но потом снова принималась ворчать.

В ритуальный зал они, конечно, опоздали, подъехали, когда люди уже бросали комья земли на гроб.

– Вот и хорошо, – шепнула Аллочка Гуте. – А то я как представлю Ветку... в этих цветочках искусственных...

Скорбящих было много, и все больше – знакомые родителей. Подруг Веты не было совсем, и мальчика, с которым Виолетта обещала познакомить Аллочку, тоже не было видно. Гости в своих черных одеждах «от кутюр» выглядели немного напыщенными и были, казалось, все на одно лицо. Правда, и Кирилл Андреевич, и Жанна отличались от прочих своим неподдельным горем и тем, что вовсе не обращали внимания на то, как в данный момент они смотрятся. Они держались друг возле друга, и оба словно немного сгорбились из-за этой беды.

– Странно как-то... – шептала Варька на ухо Аллочке. – А где подружки-то? Или хотя бы одноклассники...

– И я смотрю – одни старики какие-то, – бурчала Аллочка. – Словно на экскурсию пришли... Давай, Варвара, рассредоточиваемся, послушаем, что в народе говорят.

Варя послушно отлепилась от тетки и медленно прошла в толпу, прислушиваясь, о чем говорят люди. Говорили разное – кто-то обвинял родителей, что не доглядели, а кто-то хва-

стался, что удалось купить обалденный крем от целлюлита. Варька высмотрела среди провожающих грустного старичка в темном пальто и встала рядом с ним, печально опустив голову.

– Как жалко... – негромко проговорила она, явно рассчитывая на то, что старичок поддержит беседу. – Совсем еще девочка...

– Понимаю... – обиженно поджал он сморщенные губки. – А если я вот, к примеру, не девочка, так меня и не жалко будет, так, по-вашему?

– Да что вы! – добавила в голос сердечности Варька. – И вас жалко невыносимо, но... она ведь в это жизни еще совсем ничего не видела!

– Откуда вам знать, барышня? – прищурился старик. – Хотя... девочка, как видно, была не распушенной, как вся нынешняя молодежь. Сейчас ведь какая молодежь пошла, вы обратили внимание?

Варьке вовсе не хотелось пускаться в диспут по поводу молодежи, но старичок уже прицепился к ней намертво.

– Вы слышали, как они говорят?! Эти всякие «приколоться», «прикид», «стремно»! Они ведь совершенно не углубляются в дебри родного языка!

– А меня мой сын вообще ботом зовет или батоном, когда я пьяный прихожу, – обернулся к ним изрядно подвыпивший мужчина солидной наружности.

– Вот! – воскликнул старичок и припал к Варькиному плечу. – Вот вы, красавица, знаете, что такое «выползень»?

Варька тихонько вздохнула и постаралась высвободить локоть из цепких пальцев старичка:

– Я не знаю, но обязательно поинтересуюсь, – пробормотала она. – А вы не знаете, отчего Вету не пришли провожать одноклассники?

– Сейчас не об этом речь, – отмахнулся старичок и крепче ухватился за ее руку. – Выползень – это как раз таки насекомое, которое выползло из личинки!

Варьку передернуло.

– А пукля? Ведомо ли вам, что такое пукля? Это вовсе не болезнь живота, как вы думаете: это локон! Завиток из волос, да! Приходите ко мне сегодня же вечером, я вас погружу в мир удивительно забытых слов, прекрасных...

– Скажите, – невежливо перебила его Варька и указала на странную женщину, которая держалась чуть в стороне от остальных. – А вон та женщина кем Виолетте приходится?

– Да откуда я знаю! – обиделся старичок. – Я и вовсе здесь посторонний. Приходил к матушке, могилку убрать, а тут такие пышные похороны, да еще и журналисты с фотоаппаратами. Я так думаю: если меня щелкнут, я обязательно в газете проявлюсь.

Варька уже с силой освобождала свой локоть – не любила она посторонних зевак у могил.

– Ну? Что тут у вас? – подошла к дочери Гутя. – Вы так неприлично шумите...

– Да вот, – нахмурилась Варька. – Прицепился, никак не отрывается...

– Молодой человек, – обратилась Гутя к старичку. – Узнайте, в какой школе училась Виолетта. Нам неудобно, а вам все равно.

Старичок с готовностью закивал и потрусил выпрашивать нужную информацию.

У Фомы дела продвигались не многим лучше. Ему не пришлось прислушиваться к чужим разговорам: повариха Петровна узнала его сразу же и немедленно выбрала в качестве поддержки. Всем тучным весом она оперлась на руку Фомы и принялась тихонько выть, размазывая по щекам слезы.

– Ы-ы-ы-ы... бедное дитячко-о-о-о, – выла она, не забывая внимательно разглядывать скорбящих. – Ох ты, горяшко горькое-е-е... Глянь-ка! А Сифонов-то со своей новой приперся! Молоденькую урвал, старый боров. Ишь ты-ы, девка-то совсем, видать, из яслей, моложе нашей Ветки!.. Ой, ты ж Веточка-а-а, а и нет тебя с нами теперича-а-а... Слышь, как тебя? Фома,

точно. Глянь, а Кикимовы-то какой веночек бедненький притащили! Прямо только два цветочка на проволочке, вот жадюги! Ы-ы-ы-ы!

Прервать ее монолог не было никакой возможности, однако Фома втиснулся:

– Я вот из родственников Виолетты здесь никого не знаю, только Кирилла Андреевича и Жанну, а еще кто-нибудь пришел?

– А кто придет-то? Больше и нет никого! Мать у ей есть, так она алкашиха! Это ж все знают! Ее сюда и не пустят, чего позорить могилу-то? Бабку звали, Кирилла Андреича мать, так она, как узнала, что с внучкой стряслось, сразу же и больной сказала. У нее, видите ли, ноги отнялись! А мне так кажется – это она специально, чтоб лишний раз не волноваться. Она теперь все о здоровье своем печется, муж-то ей на двадцать лет моложе попался! А ноги... Да на хрена ей ноги? Ну, отнялись, так ей что ими – на соревнованиях бегать, что ли?

– А где мать Виолетты живет, вы не знаете?

– Как не знать! Ха! Она ж сперва-то к Ветке постоянно бегала, а Кирилл Андреич мне и говорит – ты, говорит, Петровна, одна ее отвадить можешь, у тебя язык-то, что помело, любого отбреешь. Ты, говорит, ее и проводи. Ну и когда мать-то Веткина пришла, я ее, как и велено было, – проводила. Аж до самой квартиры. Она, правда, упиралась, будто ее казнить ведут, ну да у меня не забалуешь. Я ж и Степку привлекла, водителя Кирилла Андреича. Это потом оказалось, что надо было только со двора ее погнать. Но как мне велели, так я и... зато уж потом я эту матушку!.. А и все одно – жаль бабу. На пьянку все променяла, а потом сама себе рада не была, да уж ничего не повернешь.

– Так где она живет? – снова напомнил Фома.

– Вот знаешь, где... – завертела головой прилежная работница. – Вот знаешь, где магазин «Оладушка»?

– «Ладушка»? – переспросил Фома.

– Ну да, «Ладушка», так вот в этом самом доме и проживает, прямо в нем. А квартира... на третьем этаже. Да ты спроси, где Верка Назарова живет, тебе и скажут. Мы тогда тоже – спросили да еще и рожу Веркину в окошко машины высунули, нам и показали.

– Так, значит, мать Виолетты Верой зовут?

– Ну да, еще и Григорьевной величают... Ой! Гляди-ка, а Трушина-то Лизка как намалевалась! Прямо будто в цирк пришла, обезьяна!

Фома вновь постарался перевести разговор в нужное русло:

– Погодите, я слышал, что у Веты мальчик был. Что-то не видно его...

– А и не увидишь, – сверкнула глазами Петровна. – Он же ж какой тебе мальчик? Он же ж знаешь какой детина! Два тебя будут! А Веточка у нас худенькая... бе-е-еденькая-я-я... детонька-а-а... Его Максимом зовут. Там такой Максим! Максимище!

– А он где живет?

– Вот его я до дома не провожала, ничего сказать не могу, прямо хоть ты меня здесь всю изрежь!

Фома не собирался никого резать – на работе-то всех не перерезать, поэтому он замолк и постарался незаметно от дамы отделаться. Но не тут-то было.

– Ты ж, сокол мой, я слышала, хорошим доктором работаешь? – вдруг прищурилась Петровна. – Вот ты мне и скажи, вот у меня тут, в пояснице... дай-ка покажу... вот тут, повыше копчика, бывает, так кольнет, так кольнет, что хоть на стенку карабкайся, – это вот к чему? К перемене погоды, аль, может, какой орган у меня оторвался? Или, может, чего съела, так упало не туда?

Фома возвел глаза к небу и терпеливо постарался объяснить даме, что органы просто так не отрываются и так запросто ничего никуда не падает. При этом он настойчиво пытался освободиться от крепких дамских рук, но у Петровны по поводу ее здоровья накопилось еще множество вопросов, поэтому выпускать добычу она не собиралась.

Все время, пока родственники пытались добыть хоть какую-то информацию, Аллочка отиралась возле Кирилла Андреевича и Жанны и все выискивала момент, когда можно будет напомнить печальной чете, что она, собственно, уже почти взялась за дело, и ей надо только немножко помочь – назначить время, когда им удобно будет с ней переговорить. Однако удобного случая никак не представлялось. И Аллочка отважилась напомнить о себе более настойчивым образом.

– Кирилл Андреевич, Жанна, примите мои соболезнования... – уже в который раз трогала она за руку скорбящую женщину. – Я обязательно найду убийцу вашей дочери! Обязательно! Это мой долг!

– Спасибо, Аллочка, – вытирала мокрые глаза Жанна. – Вы чуткая женщина, но... вы нам ничего не должны...

– Да нет же, я по долгу службы...

– Жанночка! – подлетела к маме погибшей дамочка среднего возраста. – Ты так убита горем! Тебе надо врача... Куда у нас врач-то пропал? Леша! Ну куда врача подевали?

– Ирина, не надо врача, я еще держусь...

– Ну прямо! Держится она, я что – не вижу? Прямо вся черная, как старуха какая-то... Да Леша же!

Тут же подскакивали какие-то новые лица:

– Кирилл Андреевич, вас снимают, сделайте красивое лицо... Так! Отойдите все от отца девочки! Не загоразивайте план! Не лезьте в кадр!

Среди всего этого безумия поговорить о деле не было никакой возможности. Когда от могилы девочки все потянулись к своим машинам, Аллочка предприняла еще одну попытку.

– Кирилл Андреевич, у меня к вам предложение... – начала было она, но в это мгновение произошло нечто непредвиденное.

Через толпу провожающих вдруг рванулась какая-то тень, кинулась к Аллочке и вцепилась ей в пальто:

– Это ты! Ты – убийца! Из-за тебя Веточка погибла! Из-за тебя, мразь!

Женщину мгновенно отцепили чьи-то крепкие руки и в ту же минуту отволокли в сторону здоровенькие ребята из охраны Назарова. Аллочка даже не успела испугаться как следует, а ее уже нигде не было видно.

– Что это было? – ошарашенно повернулась она к Кириллу Андреевичу.

– Это небольшое недоразумение, простите нас... – качнул головой тот. – Охрана не доглядела.

– А кто эта женщина? – допытывалась Аллочка.

– Я... я расскажу вам об этом позже, если позволите... – тяжело вздохнул Кирилл Андреевич.

– Позволю, – немедленно оживилась Аллочка. – Значит, завтра, в десять утра, я и позволю, хорошо?

– Как вам будет угодно, – склонил голову Назаров, бережно взял под руку Жанну, и они двинулись к машине.

– Давно бы так... – вздохнула Аллочка и еще раз огляделась по сторонам – незнакомой женщины нигде не было видно.

В ресторан, на поминки, Неверовы решили не ехать. Они явно чувствовали себя чужими, а нужные разговоры все никак не получались.

– Давай, Фома, заводи свой «Мерседес», – скомандовала Аллочка, усаживаясь в машину.

– Ну... не «Мерседес», конечно, но уж и не «Запорожец», – обиженно бурчал Фома. – Уже и моя иномарка им не подходит, только «мерсы» подавай...

Действительно, среди крутых массивных авто Фомкина машинка смотрелась несколько бедновато, но это сейчас никого не беспокоило.

– Гутя, хоть ты не зря среди народа шныряла? – недовольно спросила Аллочка.

– Почему это я шныряла? – вздернулась Гутя. – Мы с Варькой, между прочим, узнали, что Виолетта училась в школе номер три, в десятом классе «А», завтра туда и наведаемся.

– А я вызнал адрес родной матушки Виолетты, – похвастался Фома. – Верой Григорьевной ее зовут. Пьет первая женушка Кирилла Андреевича, вот такая некрасивая история. Потом расскажу, как к ней навеститься, у самого точно не получится – работа.

– А что это за тетка на меня прыгнула, кто-нибудь узнал? – сурово вопрошала Аллочка. Пассажиры переглянулись.

– Кто это на тебя прыгал, ты что? – покрутила пальцем у виска Гутя.

– И я ничего не слышала, – пожалала плечами Варька. – Там вроде все нормально было.

– Да как же нормально-то? – накинулась на нее тетушка. – Я стою, значит, себе с Назаровым, мы высчитываем, когда он ко мне на прием сможет прийти, а тут откуда ни возьмись баба сумасшедшая! И прямо мне на грудь рушится! Вы куда смотрели-то?

– А-а, – закивал головой Фома. – И еще кричала, что ты – убийца, да? Я что-то такое слышал, но меня эта Петровна как арендовала на весь день, так я и вывернуться не смог. Я, кстати, и сам хотел вас спросить – что случилось?

Аллочка воздела глаза к небу и гулко застонала:

– О-о-ой, ну и помощничков бог послал! Пошли, называется, обстановку разведать. У них на глазах чуть ближайшую родню не растерзали, а они – ни ухом ни рылом! «Что случилось»! Какие из вас сыщики? Меня едва не отправили на тот свет, а вы даже глазом не моргнули.

Гуте уже надоели причитания сестрицы, хотя приходилось признать – кое в чем они сегодня и впрямь лопухнулись.

– Ну ладно тебе, расскажи лучше – что за тетка? Как выглядит, во что одета?

– А я разглядывала ее, что ли? – огрызнулась Аллочка. – Она на меня набросилась, как коршун на птаху. Конечно, я морально испугалась и не смогла четко разглядеть линии ее внешности...

– Понятно, ты такой же детектив, как и мы, – фыркнула Варька, – ее саму чуть не разорвали, а она даже лица не запомнила!

– У меня был шок! Слышала – звезда в шоке? Это как раз про меня придумали.

Спорить не хотелось. Хотелось побыстрее приехать домой, прийти в себя и уже с завтрашнего дня вплотную заняться ловлей преступника.

На следующий день Гутя с Варькой отправились в школу, где училась Виолетта.

Нашли не сразу, сначала помотались по городу – ни один прохожий не мог назвать ни одной школы. Справочная по телефону таких сведений не давала, оставалось только звонить Назаровым, а их следовало тревожить лишь в самую последнюю очередь. Потом Варьке пришла в голову идея – зайти в первый же книжный магазин и посмотреть в справочнике города, где же находится сие учебное заведение. Оказалось, что в другом конце города.

– Сейчас проедем туда-сюда, у детей уроки кончатся, – переживала Гутя.

Но этого, к счастью, не произошло. По школьным коридорам носились шумные толпы прилежных учеников, учителя осторожно прижимались к стеночкам, и только залиvistый звонок вмиг вернул тишину в эти стены.

– С ума сойти, и как тут только учатся, – покачала головой Варька. – Так ведь без травмы точно домой не вернешься.

– Постарела ты, дочь моя, – фыркнула Гутя. – Когда я к тебе в школу приходила, вы еще не то вытворяли. И ничего – ты не боялась... Стой здесь, я к директору.

Гутя узнала у бабушки-дежурной, как найти начальство, поднялась на второй этаж и уверенно постучалась в дверь.

– Здравствуйте, – не дожидаясь ответа, смело шагнула она в глубь большого светлого кабинета. – Вы – директор этой школы?

За столом сидела маленькая, кругленькая, как дыня «Колхозница», женщина и быстро перелистывала бумаги.

– Вы по какому вопросу? – не отрываясь от них, спросила она.

– Я первой спросила, – настойчиво напомнила Гутя и уселась на стул перед женщиной.

– Ну да, да! Я директор, а что вы хотели? – она наконец взглянула на Гутю, и неожиданно глаза ее блеснули хищными блеском. – Ну наконее-е-ец-то! А я уж думала, вы до нас так и не доберетесь.

И директриса откинулась на спинку кресла, сложила ручки кренделем и с недоброй усмешкой стала разглядывать Гутю.

– А почему вы раньше к нам не могли добраться? Опять дела, да? Совсем нет времени, правильно я понимаю?

Гутя растерянно заморгала глазами, и пыл ее поубавился. И в самом деле – почему это они с Варькой на троллейбусе тащились, когда можно было поехать на такси, куда быстрее вышло бы.

– Да знаете, ведь пока мы вашу школу нашли... – начала она объяснять, но директриса закивала головой.

– Понятно-понятно... что-то подобное я и ожидала услышать. Спасибо за откровенность, – опять съязвила директор и, сдвинув брови, пошла в наступление: – А я бы хотела сказать, что вам надо почаще здесь появляться! Да! Вы сейчас с дочерью пришли?

– Да... – пролепетала Гутя, чувствуя себя отпетой негодяйкой. – Она тоже... только она на первом этаже осталась, робеет, так сказать...

Директриса округлила глаза и запела:

– Ах, так она у вас еще и робе-е-е-ть умеет! Какая приятная неожиданность! Значит, как в школьном дворе курить – она не робеет, учителя «козлом» обозвать – с нашим удовольствием, в унитаз дымовушку бросить – всегда пожалуйста! А как со мной поговорить, так девочка оробела!

Гутя, слушая ее, все шире раскрывала рот и хваталась за сердце, и, когда инфаркт был уже близок, она вдруг выдохнула с облегчением:

– Ф-ф-фу ты... Ну, напугали! Послушайте...

– Нет уж, это вы меня послушайте! Вы теперь обязаны внести в школьный фонд двадцать тысяч! И это только за унитазы. А за моральный ущерб – еще десять. И не надо мне говорить, что у вас нет денег, я прекрасно осведомлена о ваших доходах, – вскочила со своего кресла директриса и швырнула перед Гутей два исписанных листа. – У меня два педагога уволились из-за вашей девочки!

– Да нет же, – еле удалось Гуте вклинить в ее разъяренную речь. – Моя дочка уже давно не девочка!

– А то кто-то этого не знает!

– Да дайте же мне сказать! – рявкнула Гутя, и директор рассерженно примолкла. – Я не то хотела... Моя дочь уже давно не ученица! Она у вас не учится, вы меня с кем-то просто перепутали. Я пришла по поводу Назаровой Виолетты!

Директриса все еще недоверчиво косилась на Гутю, но было видно, что женщина пока просто не находит слов.

– Виолетта убита, и я, как... как старший следователь, пришла к вам. Хотелось бы услышать, что это была за девочка, нужно опросить ее подруг, всех, с кем она общалась, учителей. А вы мне слова не дадите сказать!

Теперь упражнения со ртом выполняла директриса.

– Вы? Следователь?.. Ой, боже мой, как же неловко вышло. Значит, так, о десяти тысячах за ущерб забываем, и с вашей девочки всего десять... за унитазы.

– Никаких унитазов! – категорически заявила Гутя. – Моя дочь к ним никакого отношения не имеет. Она тоже расследует убийство.

– То есть... – все еще с недоверием переспросила начальница. – Вы не мама Иры Шукиной, да?

– Нет, не мама.

– Очень плохо, – сникла директор. – У меня сегодня была назначена встреча с госпожой Шукиной, похоже, она опять проигнорировала наш сигнал... Тогда я не понимаю – а вы чего хотите?

Гутя ругнулась про себя, но постаралась объяснить еще раз:

– Я по поводу Назаровой Виолетты. Она погибла, мы ищем преступника.

– Ах, ну да, конечно-конечно...

– Вчера девочку хоронили, и от школы не было ни одного человека, – не удержалась Гутя.

– Как это – ни одного? Да от нас там и Зинаида Егоровна была, и Викентий Демидыч, и Анна Александровна! Мы их с уроков отпустили, специально. Но часы я им обещала поставить. Что вы такое говорите? – чистосердечно возмутилась директриса. – Мы еще и венки приносили. Там так прямо и написано – «От школы на вечную память»... ой, что я такое говорю? Просто «От школы»! Вы меня совсем запутали!

Гутя стушевалась. И в самом деле – вчера они высматривали только молодежь, а учителей и не догадались опросить...

– И все же, – не сдавалась она. – Мне интересно, почему не было девочек? Ребят? У Веты были плохие отношения со сверстниками?

Директриса немного помялась, потом нехотя заговорила:

– Да нет, я бы сказала – даже очень хорошие. А вот почему они не пошли... Об этом вы у них сами спросите. Сейчас я вызову Элю Прохину и Карину Пушко, они все расскажут.

Женщина вышла из кабинета, крикнула кого-то и дала задание – немедленно притащить сюда Прохину и Пушко.

– Только я бы хотела вас предупредить... – замялась милая женщина-директор. – Девочки выглядят немножко... я бы сказала – нестандартно. Но, надеюсь, вы прикроете на это глаза, все же, сами понимаете – трудности переходного возраста, поиск себя как личности к тому же, Каринин папа поставляет в школу компьютеры, а у Эли мама – директор строительной фирмы. Но... уж пожурите, не без этого.

Вскоре в кабинет вошли две высокие девушки весьма эпатажного вида. Одна носила прическу сочного малинового цвета, над глазами лиловыми тучами сгустились тени, а губы лоснились от помады. При этом она была увешана железными кольцами, браслетами, цепями и прочим металлоломом, а пуп ее был украшен самым настоящим замком от почтового ящика. Вторая девушка была стрижена наголо и голым пупом не сверкала, она была простенько одета в зеленый купальник и длиннющие сапоги – ботфорты. О том, что их родители весьма почитаемы в этом учебном заведении, девушки, видимо, не забывали ни на секунду, потому что в глазах их плескалась только смертная скука, а рты беспрестанно что-то жевали.

– Девочки, – ни капли не удивилась внешнему виду своих учениц директор. – С вами пришла побеседовать следователь. Вы ей о Виолетте расскажите. А я не буду вам мешать.

Директриса быстренько подхватила и унеслась, оставив Гутю и девочек в кабинете одних.

Девчонки, не смущаясь, расположились в креслах, закинули ногу на ногу и с откровенным любопытством стали разглядывать «следователя». Гуте даже на мгновение сделалось не по себе, но в конце концов ее это даже разозлило.

– Не знаю, стоит ли вас опрашивать... – нахмурилась она. – Я вообще-то просила пригласить подруг Веты.

– А мы что – не подруги, что ли? – фыркнула малиновая. – Мы даже с Веткой везде тусовались, скажи, Эль!

– А чё за опрос-то? – яростно жевала жвачку лысая Эля.

– То есть... вы и есть ее подружки? – наступала Гутя. – А что же вы не пришли на кладбище? Вчера вашу подругу хоронили, а вы даже веночка ей не принесли.

– Да потому что специально! – подалась вперед Эля, затрепетала ноздрями и уставилась в окно.

– Вы, наверное, подумали, что мы такие лахудры – забыли, что у Ветки похороны, то, се, да? – вскинулась и малиновая Карина. – А мы специально! У нас все продумано!

– И потому что у нас протест! Принципиально!

Гутя скорбно почесала нос:

– Боюсь, что вашего протеста Виолетта не оценила. Я даже больше скажу – она его не заметила, ей теперь все равно, хоть запротестуйтесь до посинения. А вот проводить в последний путь подругу могли бы.

– Вот именно! – подскочила Эля. – Ей теперь все равно, а эта ее мымра!

– А эта ее мачеха поймет! – подхватила Карина. – И вот пусть она теперь!..

– Погодите, погодите... – соображала Гутя. – То есть вы хотели выразить протест Жанне? А чем она вам так насолила? Ей и без вас горя хватило.

– Ха! Горя! – дрыгнула сапогом Эля. – Да она только рада, что Ветки теперь нет! Она ж ей всю плешь проела. Она ж ей дышать не давала!

– Не, ну мы вам правду говорим, чё нам врать-то?! Мы поэтому и протест придумали, – пояснила Карина. – Или мы такие дуры, да? Не понимаем, что эта Жанночка будет стоять там на кладбище и сопلي в платок складывать от горя! Вроде как она так переживает, так переживает!..

– Да на этот спектакль просто смотреть не хотелось! – снова дернулась Эля. – Вот я бы, например, обязательно ей правду в глаза высказала, а ведь возле могилы это нельзя, там же тихо должно быть, скучно, все дела, вот мы и не пошли, чтоб не сорваться.

– Ага, точно, – мотнула головой Карина. – Вот так и протест показали. Но мы все равно как-нибудь этой Жанне...

– Да с чего вы так на нее накинудись? Чем она мешала жить Виолетте? – не могла понять Гутя.

– Да тем и мешала!.. – выкрикнула Карина и надула губки. – Однажды увидела, как мы возле подъезда пиво пьем, так потом Ветке с нами вообще запретила встречаться. Ну, дескать, мы такие оторвы, воспитание у нас ни к черту, все такое...

– И прикид ей покупала не модный! Сама, главное, на деньгах Веткиного папашки сидела, а одевала ее, как лохушку! Платьишко, юбочку, тьфу, даже вспомнить противно.

– А скажи, как она ее в клуб не пускала, да? Главное, у нас там тусняк, Ветка аж трубой ревет – просится, а та, блин, как упрется!

– Ага! Не, главное, папашке Веткиному все по барабану, а эта чума цементом прикинется, и не прошибешь!

– И мотоцикл не хотела покупать, а Ветка от мотоциклов даже тащилась! А эта Жанночка, антилопа, блин! За головку ухватится, глазки закатит и давай на уши давить: «Ты не представляешь, как это опасно! Я не переживу!» Ага, не переживет она. Денег жабилась, да и все.

– А когда Ветка с Максом тусоваться стала, так Жанна даже! В петлю скручивалась, а Ветку не пускала с ним! Даже телков хотела к Ветке приставить, – перечисляла Эля все обиды, причиненные мачехой их подруге.

– Простите, кого приставить? – не уяснила Гутя.

– Ну, охранников, типа, телохранителей, чё тут непонятного, – фыркнула Эля и от возмущения стала жевать жвачку в четыре раза быстрее.

– Ага, – поддакнула Карина. – А еще, главное, помнишь, Эль, Ветка рассказывала, сама, мол, ей говорила: «Когда ты познакомишь нас со своим мальчиком? Когда познакомишь?» А когда Ветка познакомила, та губы надула, морду скривила. И потом ей выдала: «Он тебе не пара!» Можно подумать, Ветка без нее не знает, кто ей пара, а кто нет! Эль, скажи, да?

– Да она даже Ветку терпеть не переваривала!

Девушки еще долго возмущались, в каких нестерпимых условиях произрастала их подруга. Да этой мачехе, по мнению душевных подруг, надо было не на кладбище идти, а прямо сразу в ментовку! А потому, что это она толкнула Ветку на преступление. Не, ну, не на преступление, а на это... на собственное убийство. Ну и что, что не самоубийство, а потому, что Ветка бы все равно так долго не продержалась! И поэтому они вот как собрались все вместе, всем тусняком, и все! И на кладбище – ни ногой! А потому что – протест! Да и чё там делать? Там же все такие, как их... печальные же даже... Не, ну а даже они реально из-за принципа! Пусть эта чума теперь локти лижет!

Потом девицы стали повторяться, и Гутя поняла – больше ничего нового она не услышит.

– А вы не знаете, где живет этот парень? Его, кажется, Максом зовут? – спросила она у подружек.

Девчонки на минутку задумались, потом обе покачали головами.

– Да фиг его знает...

– Он в клубе постоянно трется, – вдруг вспомнила Карина. – В «Плесени». Там у любого можно спросить Макса, вам покажут.

– А если не того покажут? – осторожничала Гутя. – Фамилия-то у него есть?

Девчонки переглянулись.

– Не, а на фига нам фамилия? – искренне не понимала Эля. – Мы не знаем, может, у него и есть...

– У него на шее, сзади, татушка такая, дракончик маленький, так что не спутаете, – проявила сообразительность Карина.

Больше Гутя задерживать подруг не стала, тем более что и директриса уже раза два заглядывала в кабинет.

– Ну и как? – спросила Варька, встречая мать уже в школьном дворе. – Что-то ты долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.